

НА ВЪЛДОХЕ СЪА

ДОРА ОЛЕЕВА

12+

Лора Олеева
На выдохе сна

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лора Олеева

На выдохе сна / Лора Олеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что может быть безопасней и уютнее сна? Так думала и девушка Настя из города Закрайска. До тех пор, пока сны, вернее кошмары, необъяснимым образом не стали вторгаться в ее реальность. Девушка в растерянности: подруги отворачиваются от нее, подозревая в чем-то нехорошем, а любимая мать превращается в оборотня, замышляющего убийство. На зов отчаявшейся Насти в город приезжает человек, работа которого состоит в расследовании смертей и несчастных случаев, имеющих мистическую подоплеку. Помочь спасти Настю вызывается и ее брат. Только эти два человека осознают, какая беда нависла над городом. Им предстоит выяснить, кто повинен в череде необъяснимых смертей в Закрайске. Они еще не знают, что убийца уже наметил новую жертву в их ближайшем окружении. Успеют ли они предотвратить трагедию и найти этого загадочного убийцу, стоящего так близко к ним - за тонкой гранью сна?

© Лора Олеева, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 2. Приют	13
Глава 3. Сны	16
Глава 4. В поисках Насти	23
Глава 5. Глеб	27
Глава 6. Сестра	30
Глава 7. Партнеры	36
Глава 8. Навь	41
Глава 9. Мы все ловцы на золотых берегах	47
Глава 10. Тщетные поиски	52
Глава 11. Разговоры	56
Глава 12. Вторая ночь	59
Глава 13. Волколак	61
Глава 14. Опять институт	72
Глава 15. Олег	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лора Олеева

На выдохе сна

Часть 1.

Глава 1. Шла Саша по шоссе...

В тот миг, когда предчувствие легло
Мне на плечо своей рукою легкой,
Весь мир вдруг закачался шаткой лодкой,
И обнажилось гибельное дно.

И лампой охраняемый уют,
Казавшийся незыблемым доселе,
Утратил свойства мощной цитадели
И в прах рассыпал стен гранитных спуд.

Тот миг упал пылающей звездой,
Рассек мечом свистящим зыбкий воздух,
Отрезал мглой подернутое «после»
От кровью памяти сочащегося «до».

И что теперь?..

Никакие предчувствия не беспокоили Алексея, который задумчиво-рассеянным взглядом скользил по шоссе на дороге. Он автоматически обгонял, перестраивался, отставал, благодушно пропускал, машинально благодарил и машинально же ругался на подрезающих его, а так же чисто рефлекторно не давал пролезть вперед особенно хитрозадых. Радиостанция «Путь домой» издавала звуки мягко журчащей музыки вперемежку с новостями и рекламой.

– Продолжается поиск Сергеева Леонида, пропавшего четыре недели назад на трассе между городами Ляпша и Закрайск...

Алексей сделал звук радио погромче.

– ...Напомним, о чем идет речь. Леонид Сергеев, житель города Дединцы, возвращался к себе домой из дальней поездки, однако домой не приехал и на связь выходить перестал. Тревогу подняла девушка Леонида, Татьяна. По ее словам непосредственно перед своим исчезновением, Леонид разговаривал с ней по телефону. «Мы болтали по телефону, обсуждали совместные планы на майские праздники», – рассказала девушка. – «Потом Леня вдруг сказал, что его тормозят инспекторы ГИБДД, и обещал перезвонить через несколько минут. Однако он не перезвонил, а его телефон перестал отвечать. Все время срабатывал автоответчик». Через два дня девушка забила тревогу, созвонилась с родными Леонида, которые и пошли в полицию с заявлением о пропаже человека. Полиция города Дединцы связалась с местным ГИБДД. Было установлено, что Леонид на своей машине марки «Киа» выехал из города Ляпша, но в город Закрайск не въехал. Трассу прочесали, но машину не нашли. Видеокамеры зафиксировали машину похожей марки, ехавшую в сторону города Кистлица. Номер машины установить не удалось. Была ли это машина Леонида или другая, остается загадкой. Если это так, то непонятно, почему Леонид вдруг свернул и поехал в совершенно другом направлении. Полиция продолжает расследование...

Алексей хмыкнул.

– ...Таинственное исчезновение водителя всколыхнуло общественность. Напомним, что в течение последних лет было несколько похожих исчезновений, и в каждом случае пропав-

шего найти не удавалось. Одним из самых резонансных было исчезновение Николая Волкова, произошедшее летом прошлого года. Николай совершал путешествие на скутере, собранном своими руками. Он приобрел известность благодаря блогу, в котором выкладывал фоторепортаж о путешествиях по России. Последним сообщением путешественника было: «Я в Закрайской области. Выезжаю из города Ляпша. Надеюсь заночевать по дороге и вскоре приехать в Закрайск. Все норм». Это была последняя весточка от Николая. Многие читатели внимательно наблюдали за путешествием блогера, и, когда вести от Николая перестали поступать, местное сообщество байкеров забило тревогу. Несколько человек отправилось на поиски. После дня поисков нашли сожженный мопед Николая с его вещами. Тело путешественника найдено не было. Полицией было открыто дело об убийстве. Однако на форумах, посвященных этой теме, выражали недовольство отсутствием результатов расследования, а также многочисленными нарушениями, допущенными следственными органами. За дело взялись сами байкеры. Они предложили денежное вознаграждение за поимку преступников: сто тысяч рублей за информацию об убийце и двести тысяч за сдачу преступника. Активная деятельность, развернутая сообществом байкеров, принесла плоды. Несколько человек нашли следы преступления: обгоревшие останки человека и различные вещи Николая, которые уже успели разойтись по рукам...

Алексей снова хмыкнул. Полгода назад он живо интересовался этой темой, внимательно читал переписку на форуме, переводил деньги для семьи пропавшего скутериста и хорошо помнил все обстоятельства произошедшего.

Активисты, которые прочесывали дорогу и прилегающие к ней жилые места, обнаружили яму, в которой сожгли тело Николая. Более суток им пришлось дежурить около этой ямы, не позволяя преступникам перепрятать тело. При этом правоохранительные органы не особо торопились приехать на место преступления. Алексей помнил из переписки, как активисты занимались этим делом: опрашивали свидетелей, искали преступников. Как под нажимом общественности все-таки был арестован молодой человек: местный уроженец, державший вместе с сестрой на трассе небольшое кафе и шиномонтажную мастерскую. Как следствие пытались спустить на тормозах, как байкеры забрасывали письмами различные инстанции, пытаясь добиться справедливости. Как... Вспоминать все это было тошно. Сразу возникало чувство полной незащищенности и острого разочарования в полиции, да и вообще в людях.

– ...свидетельствует о том, что преступники, убившие Николая Волкова не одиноки, и пропажи людей не прекращаются, – продолжало вещать радио.

Алексей поморщился и переключил волну. Слушать в такой радостный майский день эту чернуху уже не было сил. По радиоволне полилась музыка, которая вполне гармонировала с весенним настроением Алексея. Через пару километров он уже напрочь забыл историю со скутеристом, наслаждаясь теплой погодой и раскинувшимися вокруг него видами.

Весна в этом году явилась на свидание с опозданием. Сначала, как истинная женщина, она заставила себя долго ждать, упрашивать, а сама все жеманилась и отнекивалась. Но раз явившись, она все больше и больше захватывала власть, пока наконец не взяла бразды правления полностью в свои руки.

Поля и леса вдруг затопило зеленью, еще младенчески нежной и робкой, воздух наполнился живностью, а птицы с утра сходили с ума, пытаясь перекричать и перепеть друг друга. В такой сияющий майский день настроение было подобно легкому тающему облачку, плывущему по бесконечно-голубому небу. Музыка из динамиков баюкала Алексея, настраивала на светлый лад.

Увидев бензоколонку, Алексей начал притормаживать. За сотню метров до съезда Алексей обогнал идущую по обочине дороги девушку с рюкзаком за спиной. Ожидая, когда освободится колонка, и от скуки поглядывая в окно, он увидел, что девушка свернула с дороги и

тоже зашла на заправку. Через пару минут Алексей вставил заправочный пистолет и подошел к кассе, чтобы заплатить за бензин.

Девушка стояла в очереди перед ним. В руках она держала бутылку воды.

– Без заправки, будьте любезны. Да, только это.

Алексей посмотрел на нее. На ногах запыленные ботинки, джинсы ниже колен чем-то запятнаны, воротник черной водолазки выглядывает из-под просторной куртки с множеством карманов. Объемный рюкзак казался тяжелым и оттягивал хрупкие плечи девушки. Не очень длинные светлые волосы частично выбились из перехваченного резинкой хвоста и рассыпались по плечам. Алексей заметил маленький листок дерева, запутавшийся в них, и улыбнулся про себя.

Когда девушка отходила от кассы, ее взгляд на мгновение скользнул и по лицу Алексея. Она могла бы посмотреть на витрину или небо, пол или куда-либо еще, но посмотрела на Алексея. Так иногда вдруг случается. «А она недурна», – отметил про себя Алексей и посмотрел вслед выходящей девушке.

Та тем временем снова пошла пешком по обочине. «Это куда же она?» – удивился Алексей. Он представил в уме карту и вспомнил, что до ближайшего населенного пункта отсюда не менее десяти километров. «Однако», – думал он про себя, усаживаясь в машину и глядя, как девушка неспешным шагом бредет вдоль трассы. «Впрочем, дорогу осилит идущий», – пожал он плечами.

Алексей влился в поток и, обогнав девушку, поехал вперед. Но какое-то чувство досады или мелкого недовольства собой тревожили его, и через километр он затормозил и свернул на обочину, чтобы разобраться, что это было за чувство.

Минут через десять из-за поворота показалась девушка. Алексей неспешно вышел из машины, задумчиво побил ногой колеса, поджидая незнакомку, а когда она поравнялась с его машиной, приветливо улыбнулся и окликнул ее.

– Девушка, я могу вас подвезти?

Девушка остановилась, смахнула с лица волосы и посмотрела на Алексея. У нее оказался на удивление твердый и ясный взгляд.

– Вы благородный рыцарь, да? Беспечный самаритянин, вызволяющий дам из затруднительной ситуации? – спросила она с самым серьезным видом.

Алексей не знал, как реагировать.

– Ну да, бывает, – выдавил он из себя, – так что, вас подвезти?

– А как вас зовут, рыцарь?

– Алексей.

– Уважаемый Алексей, не могу не признаться, что я бесконечно тронута вашим благородством. Я говорю это искренне. Поверьте. Я в пути уже давно, и только вы предложили мне свою помощь совершенно бескорыстно, из чистых побуждений.

Девушка смотрела Алексею прямо в глаза, и он не посмел ее заподозрить даже в самой малой капле иронии. Испытывая неловкость, он уже хотел что-то промямлить, но девушка слегка улыбнулась и остановила его поднятой рукой.

– Нет-нет, я действительно вам признательна. И в глубине души я очень хотела бы воспользоваться вашим любезным предложением. Просто...

Она устало вздохнула, потом окинула взглядом пустынные поля, лес, откуда несло весенним холодом, и уходящую в неведомое дорогу.

– Все не так просто. Наш мир очень опасен. Очень. И поэтому любой пустяк, любой поступок, который на первый взгляд выглядит незначительным, приводит порой к самым неожиданным последствиям. Алексей, а вам не приходило в голову, что вот так легкомысленно предложив помощь какой-то незнакомой девушке, вы имеете реальный шанс нарваться на неприятности, которые тянутся за ней шлейфом?

Она слегка сузила глаза и серьезно и вопрошающе посмотрела на озадаченного Алексея. Тот ожидал любого ответа на свое предложение, кроме того, который услышал. Такую отповедь он услышал в первый раз. Однако девушка, похоже, не шутила. Она спокойно дожидалась ответа Алексея. Он почувствовал, что ее глаза пытливо читают в его душе. Еще он почувствовал, что она задает вопрос не в шутку, походя, но на самом деле ждет его ответа. И Алексею вдруг показалось, что его ответ будет иметь важное для его судьбы значение, вне зависимости от того, как он поступит сейчас.

Первая и, пожалуй, самая здравая мысль была такой – обидеться, хмыкнуть, съязвить и послать эту фифу, некстати начавшую философствовать на обочине дороги, куда подальше, потом сесть в машину, достать из бардачка прохладную банку «Колы» и покатить дальше под песню Гарика «Знаю я – есть края». Однако что-то удержало его от такого простого и, казалось бы, очевидного выхода из сложившейся ситуации. Алексей решил принять вызов, пусть даже поединок был исключительно риторским.

Слегка прищурившись, он окинул незнакомку взглядом с ног до головы, но та не обиделась, а лишь понимающе улыбнулась и продолжала молчать. Тогда Алексей поинтересовался.

– А за вами тоже тянется шлейф? Извините, не заметил. Может, он где-то в дороге оторвался, а вы и не заметили? Нелегко, небось, в платье-то со шлейфом по колдобинам рассекать.

Девушка засмеялась, звонко и так заразительно, что Алексей тоже расхохотался.

– Ну хорошо. Может, я и оторвалась... От шлейфа... А по поводу опасности встреч в весенний месяц вас классики разве не предупреждали? Извините за неточность цитаты. Что-то вроде того, что никогда не разговаривайте с незнакомцами... И так далее, и со всеми вытекающими...

Девушка в притворном веселом ужасе округлила глазами.

– Так-то ж незнакомцы, а не незнакомки. И сейчас не весенний месяц нисан, если мне не изменяет память. Вы что-то попутали.

– Что ж, – девушка вздохнула, – Ваши доводы настолько убедительны, Алексей, что дальнейшие возражения считаю просто излишними. Спасибо, я буду вам очень благодарна, если вы меня подвезете. Меня зовут Александра. Можно – Саша.

– Садитесь, «можно Саша».

Алексей открыл пассажирскую дверь, подождал, пока девушка усядется и вернулся на водительское место. Машина тронулась, и колеса зашуршали по дороге.

– Итак, Саша... Шла Саша...

– Ну, Алексей, не ожидала от вас, что вы скатитесь до подобной банальности. Надеюсь, пивом с пирожком не будете угощать, как героиню одноименной песни?

– Нет уж, не буду, пожалуй, а то еще чего-нибудь неллицеприятного в свой адрес услышу. Саша снова весело засмеялась.

Несколько минут Алексей молчал, собираясь с репликами. Потом снова попробовал завязать разговор.

– И куда путь держите?

Саша сидела, откинувшись в кресле. На ее лице лежала пыль усталости после долгой дороги.

– Если честно, я еще точно не решила, куда поеду. А вы вот, куда едете?

Алексей удивленно посмотрел на нее.

– Я еду домой, в Закрайск.

– Хороший город. Слышала про него. Наверное, в центре есть гостиница?

– Да, вроде была одна маленькая в центре. Сам, правда, там не жил, не знаю. Просто видел, когда проезжал мимо.

– Что ж, раз судьба в виде вас, Алексей, направляет меня в город Закрайск, было бы сущей неблагодарностью не воспользоваться подсказкой фортуны и не отправиться именно туда? Как вы полагаете?

От удивления Алексей не знал, что и сказать.

– У вас что, нет дома, Александра? Вы откуда?

– Нет, ну что вы, дом у меня есть, не беспокойтесь. Просто в данный момент я путешествую, и маршрут путешествия вырисовывается, так сказать, спонтанно, волей случая. Вот, например, сейчас я подумала, а не остановиться ли мне на недельку в прекрасном уездном городе Закрайске?

– Я, пожалуй, соглашусь, что город у нас действительно очень интересный, старинный, есть что посмотреть. Хоть и «уездный».

– Не обижайтесь, Алексей. Меньше всего мне хотелось бы вас обидеть. Да и чревато. А то вдруг вы всерьез обидитесь. Обидитесь и высадите меня опять на обочину. А я уже за эту пару минут успела прийти к совершенно неожиданному выводу, что подобный способ передвижения куда лучше пешего.

Теперь уже засмеялся Алексей.

– И, пожалуйста, не примите мои слова за снобизм столичного жителя. Я – не он, – продолжила Александра, – Я более чем уверена, что мне понравится ваш город. Мне на ум даже приходят некоторые обстоятельства, которые требуют моего присутствия в Закрайске. И раз уж так получилось, что вы любезно предложили подвезти, и честно признаюсь, очень выручили меня, потому что ноги просто адски ноют... – Саша вытянула ноги. – Боже, какое блаженство.

– Хотите «Колу»? В бардачке есть пара банок.

– Алексей, ваша любезность превосходит вероятие. Вообще-то, у меня есть вода. Но отказаться от вашего предложения... Нет, это выше моих сил. Спасибо. А вы?

– Да, мне тоже одну. Спасибо.

Дорога стелилась под колеса машины в тон разговору. Алексей никогда не был ловеласом, скорее он испытывал в присутствии девушек, особенно если они ему нравились, какую-то тягучую неловкость. Однако Александра как-то легко и ненавязчиво заставила его почувствовать себя раскованным. И вскоре они уже вместе смеялись над анекдотами Алексея. Ободренный успехом у своей визави, Алексей начал рассказывать о знакомом, снедаемом страстным желанием покорить столицу и ночевавшем не один месяц в спальном мешке в своей машине на улицах вождя города.

– ...а мылся он, представьте, на стройке вместе с рабочими, каковые озадаченно его разглядывали, но не решались что-либо сказать, потому что испытывали инстинктивный страх перед «белым» человеком... И вот, Саша, потом он решил жить в гараже, омебелился, купил обогреватель...

– А, пардон, извините за вульгарный интерес к физиологическим подробностям...

– Вот чего не знаю, того не знаю. Не допытывался с пристрастием. А самое смешное то, что при всем этом он был уверен, что его гаражный замок обязательно заинтересует прекрасную столичную принцессу, и она въедет туда со всей приличествующей ей дамской амуницией.

– Ну извините, Алексей, тут я с вами не соглашусь. Почему бы и нет? Принцессы бывают разные. Вы действительно считаете, что каждая девушка, не говоря уж о столичной, насквозь и, я бы сказала, примитивно меркантильна?

– Может, это прозвучит грубо, но я действительно так считаю. Извините.

– Я не могу с вами согласиться, Алексей. Да, конечно, многие девушки выглядят материально озабоченными, но это проистекает лишь из заложенного в них природой инстинкта заботы о потомстве. Согласитесь, вы же не хотели бы, чтобы ваш ребенок ползал по шербатому полу среди бутылок и мусора?

– Нет, конечно, – возмутился Алексей, – для своего ребенка я бы в лепешку разбился, чтобы достать самое лучшее.

– Вот видите, а многие женщины от природы не обладают или думают, что не обладают способностью пробиваться, поэтому им поневоле приходится искать иные способы создать своему ребенку приемлемые условия жизни.

– Извините, Саша, но я, к сожалению, посмотрелся в своей жизни многого. И скажу не понаслышке, что далеко не все женщины хотят получить материальные блага ради ребенка. А некоторые и плевать на детей хотели.

– Конечно-конечно, Алексей. Все люди разные. Этим они и интересны. У всех свои цели, свои страхи, свои недостатки. И мечты тоже.

Голос Саши звучал примирительно. Алексей тоже решил закрыть скользкую тему и перевести разговор.

– А какая у вас мечта, Саша?

Александра надолго замолчала, и Алексей решил, что обидел ее.

– Саша?..

– Извините, я задумалась. А вы знаете, Алексей, вы поймали меня врасплох. Я вдруг всерьез стала думать над вашим вопросом, и даже не знаю, что и сказать. А есть ли у меня действительно мечта? Может, то, что есть, это уже и не мечта, а лишь навязчивое и ставшее привычным желание, потребность в этой мечте, а не сама мечта? Извините, мне сложно об этом говорить. Все не так просто.

– Да расслабьтесь, я пошутил. Вы же не думаете, что я собирался вот так и вот сейчас выпытывать ваши сокровенные желания? Какое право, в конце концов, я на это имею?

– Нет, почему же, у вас есть на это некоторые права. Ну хотя бы в знак признательности. А вы знаете, у меня вдруг появилось...

– Что, мечта?

– Нет, – Саша улыбнулась, – на мечту это не тянет. Всего лишь желание. Я просто умираю с голода.

– Это легко поправить. Так как насчет «пива с пирожком»? Не заключете?

Саша засмеялась.

Вскоре машина свернула в сторону придорожной «бигмачной».

– Алексей, я понимаю, это прозвучит, может быть, бестактно, но не могла бы я в знак признательности...

– Что?

– Скажем, угостить вас обедом.

– С ума сошли?

– Извините, если обидела. Просто мне неловко, не знаю, как вас отблагодарить за то, что подвозите. Я бы и бензином, на худой конец, не побрезговала расплатиться, но вы ведь только что заправились...

Алексей хмыкнул. Машина припарковалась около входа. Алексей, чувствуя себя почти как на свидании, усадил Александру за столик у окна, осведомился о ее гастрономических пожеланиях, и отправился к прилавку. Брать от нее деньги он наотрез отказался. Настроение у него было приподнятое. Он был твердо настроен сполна насладиться каждым моментом своего приключения. Вскоре Алексей вернулся с подносом, заваленным фастфудом. Глядя на то, с каким аппетитом Саша поглощает картошку, он не мог удержаться от легкого подкола.

– Александра, не знаю, откуда вы идете, но у меня возникают подозрения, что из голодного края.

– Боже, какой вкусной может быть картошка, когда давно не ела. Нет, не из голодного, но да, вы правы, в последний раз я ела очень давно.

– Саша, а вы знаете, что на трассе, по которой вы так беспечно сегодня разгуливали, за последние пару лет бесследно пропали несколько человек. И последний из них, кстати, совсем недавно. Причем это все были мужчины. Сильные мужчины.

Саша пристально посмотрела на Алексея.

– К чему это вы?

– К тому, что одинокой девушке опасно разгуливать там одной.

– Может, так, а может, и не так.

– А где вы собирались заночевать, если бы я не остановился?

Саша улыбнулась.

– У меня в рюкзаке есть спальный мешок.

Алексей чуть не подавился соком.

– Вы что, серьезно?

– Абсолютно. А насчет опасности... Я полагаю, что водителям на этой трассе останавливаться гораздо опаснее, чем девушкам голосовать.

Это было странное утверждение. Потягивая сок из трубочки, Алексей с недоумением посмотрел на девушку. Только сейчас, когда, освещенная солнцем, она сидела напротив него, он смог хорошенько разглядеть ее лицо.

Возраст Саши ему было определить сложно. Может, двадцать пять, а может, и тридцать пять. Кто же их, женщин, разберет? Глаза ярко серые, лучистые, под глазами синяки, около виска, прикрытая спутанными волосами, виднелась ссадина, на щеке царапины. Ела Саша почему-то левой рукой, а правая безвольно покоилась на коленях, лишь изредка помогая левой. Левша? Вот, вообще, кто она такая? Алексей всей душой чувствовал, что Александра совсем не похожа на знакомых ему девушек, но дать четкое определение ее необычности он не мог. Не похожа, и все.

Голодный блеск в глазах девушки поутих, и она со стоном откинулась на спинку кресла.

– Как я наелась!

Алексей с доброй усмешкой наблюдал за ней. Ему вдруг стало страшно жалко расставаться с ней через какие-то два часа. Именно столько им оставалось до Закрайска.

– Саша, послушайте, а вы и правда решили задержаться у нас в городе на некоторое время?

– Да, я ведь так и сказала. Если б я не собиралась этого делать, я бы не говорила.

Алексей посмотрел ей в глаза. «Это многое объясняет», – подумал он. Вот и первая ее странность. Все, что Александра говорила, звучало искренне, убедительно, однако не убедительностью недалекого человека, готового с ослиным упрямством умереть за свои убеждения, спорные и глупые, но кажущиеся ему истиной в последней инстанции. Нет, скорее со спокойной уверенностью человека, который тысячекратным опытом доказал самому себе правильность своих выводов, но в спор ввязываться не будет. «Глупый человек спорит со всеми, умный с равным себе, а мудрец с самим собой», – вспомнил он вдруг слова Барбакару. Ему вдруг показалось, что Александра вообще будет ввязываться в спор только в крайнем случае.

– Саша, послушайте, если вы поживете у нас в городе, может, мы еще встретимся? Я готов вам показать все достопримечательности.

– Спасибо, Алексей, вряд ли я найду лучшего гида, – она улыбнулась. – Буду рада провести с вами время. Если получится. Я ведь еще не знаю, сколько времени займут мои дела.

– Ну, тогда договорились. Обменяемся телефонами.

– Нам еще долго ехать? А то уже скоро начнет темнеть.

– Вы правы. Тогда вперед.

В машине, убаюканная музыкой, Саша вдруг крепко заснула, да так неожиданно, что даже не услышала очередного вопроса Алексея. Так спят смертельно усталые или больные люди, полностью погружаясь в мир своих ярких, иногда опасных или страшных снов. Алексей

убавил музыку и замолчал. Ему было очень комфортно ехать вместе со спящей девушкой, от которой, казалось, исходили волны надежного тепла и уюта. Музыка лилась из радио в тон настроению Алексея.

Сегодня был солнечный дождь.
И каждая капля дождя
Казалась слепящей звездой,
Осколком огня.

Сегодня был путаный дождь.
От хмарей небес до земли,
Звеня, в паутину одну
Все нити сплелись.

Сегодня болтливый был дождь.
Он звучно по листьям стучал.
Я в шепоте-всхлипе дождя
Тебя отыскал.

Сегодня был ветреный дождь.
В глухом исступленьи листвы
Ко мне под гудящим зонтом
Прижалась вдруг ты.

Сегодня был липовый дождь.
Шуршанием вкрадчивых струй
Он таял, как смех на губах
И как поцелуй.

Волшебный танцующий дождь
В кольцо взял тебя и меня.
Хотелось растаять вдвоем
В лавине дождя.

Глава 2. Приют

Когда Алексей въехал в город, силуэты домов уже были размыты незаметно подкраившимися сумерками. Медленно, но неотвратно темнело. Где же эта чертова гостиница? Как человек, уверенно ориентирующийся в своем городе, Алексей наугад покружил по улицам, где по его мнению должен был находиться странноприимный дом, не нашел его и удивился. Еще раз вернувшись на то же самое место, он наконец заметил, что вывеска с гостиницы была снята, а само здание стоит в лесах. Просто невезение! Где теперь искать ночлег для Саши?

Саша крепко спала и была не в курсе всей затруднительности своей ситуации. Алексею, однако, показалась, что это вряд ли ее сильно смутит. Он уже представил себе, как она выходит из машины все с тем же безмятежным выражением лица и, изящно махнув рукой, в ответ на его слова говорит: «Да ерунда! Есть о чем беспокоиться?! Если бы не вы, мне вообще пришлось бы ночевать в поле. А в городе я обязательно что-нибудь найду. Даже не берите в голову». И потом скрывается в ночи. Не оставив растерявшемуся Алексею своего номера телефона. Не оставив вообще ничего. Никакой зацепки и намека.

Нет, так легко Алексей сдаваться не собирался. Он резко развернулся и надавил на газ. Машина взревела и понеслась в пригород. Через несколько минут он уже въезжал в проселок, ведущий к его дому. Дом черной громадой высился в ночи, но уличные фонари вырисовывали уютные конусы на траве, в которых мельтешила весенненародившаяся мошкара. На заборе еле белела вывеска «ул. Болотная». Ворота отъехали с тихим шорохом, машина вкатилась во двор и остановилась.

Александра спала, а Алексей смотрел на нее и не мог придумать, что же сказать. Наконец, он решился.

– Саша, просыпайтесь, мы приехали.

– О! Уже? Извините, я так крепко заснула. Обещала развлекать вас в дороге и так подвела. Прошу покорно извинить.

Они вышли из машины.

– А где это мы?

Алексей смущенно переминался с ноги на ногу.

– Тут такое дело. Ну, в общем, закрыта ваша гостиница. Хотите – верьте, хотите – нет. На ремонте, судя по всему. А других в городе нет. По крайней мере, я не знаю. Да и ночь на дворе. Короче, не могу же я девушку на улице оставить. Прошу пожаловать ко мне домой. Буду искренне рад.

Алексей ожидал, что на лице Саши отразится возмущение, и уже готовился к неприятной сцене. Однако Александра смотрела на него с грустью и симпатией.

– Алексей... – начала она, помолчав немного.

– Нет-нет, Саша, пожалуйста. Я не хотел вас шокировать. Я правда от чистого сердца. Ну поверьте.

Алексей смешался и не знал, как продолжать. Однако слова Александры опять явились для него сюрпризом.

– Вы, наверное, думаете, – сказала она с улыбкой, – что я должна принять оскорбленный вид, ужаснуться неприличностью вашего предложения, сказать, что девушка не может ночевать в доме совершенно незнакомого мужчины?

– Ну-у, как-то примерно так, наверное.

– Вы удивитесь, Алексей, но условности не играют для меня такой важной роли, как для других людей. Кроме того, я несколько не сомневаюсь в вашей порядочности и правдивости. Уже в первую секунду знакомства я поняла, что вы прекрасный, просто замечательный чело-

век. Вы необыкновенно добры ко мне и очень тронули меня своим предложением. Я отказываюсь совсем по другой причине.

– Саша, послушайте...

– Нет, Алексей, это вы послушайте. Вы помните, что я сказала вам при встрече?

– Это про шлейф неприятностей?

– В самую точку. Ваше предложение неприемлемо для меня именно по этой причине.

Дело в том, что я стараюсь как можно меньше касаться жизни других людей. Чтоб не нанести им вред.

– А какой вред вы можете мне нанести? Вы что, вор-домушник? Или киллер? Или это продолжение игры в «Я часть той силы, что вечно хочет зла...?»

Саша улыбнулась.

– Нет, что вы, во мне нет ни капли зла.

– Тогда в чем проблема?

– Видите ли, хотя зла во мне нет, оно очень часто цепляется ко мне.

– Вы украли магический кристалл таинственного племени, и теперь за вами по пятам идут злобные индейцы?

Александра грустно рассмеялась.

– Нет, индейцы не идут. Надеюсь.

– Тогда кто? Бандиты? Компетентные органы? Коллекторы? Судебные приставы? Пятая колонна? Зомби? Инопланетяне? Крысы-мутанты?

Саша только качала головой, улыбаясь.

– Извините, но если это и не черепашки-ниндзя, тогда все. Других вариантов у меня нет. Надеюсь, что другие варианты я смогу пережить. Давайте на этом поставим точку. Все. Я чертовски устал и хочу чаю. Пойдемте в дом.

Саша машинально посмотрела на дом, и Алексей уловил в ее взгляде каплю сомнения, борьбу с собой и желание уступить и поддаться. Однако еще через мгновение ее взгляд стал твердым, она развернулась и шагнула к калитке, которая была от них в пяти шагах.

– Да что же это такое?! Не будьте же вы душой!

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Алексей рванул за девушкой и крепко ухватил ее за правую руку чуть выше локтя. Неожиданно Александра вскрикнула и зашипела:

– Рука! Больно! Отпустите!

В свете фонаря Алексей увидел, как ее побелевшее лицо исказила гримаса боли. Уронив рюкзак и обхватив себя за руку, Саша прислонилась к машине и, кажется, была близка к тому, чтобы потерять сознание.

«Так вот почему она не пользовалась правой рукой! Теперь все ясно!» Алексей сильно рассердился, но при этом почувствовал себя могучим и уверенным победителем немощного и недужного противника. Не говоря больше ни слова, он поднял рюкзак, обнял упирающуюся Александру за талию и потащил в дом. Видимо, признав победу за Алексеем, девушка больше не сопротивлялась. А может, у нее просто не было сил спорить и возражать. Она стояла, прислонившись к стене, и ждала, когда он откроет дверь.

Алексей включил свет, провел Сашу в гостиную и усадил на диван. В другой ситуации он бы обязательно провел экскурсию по дому и потребовал бы возгласов восхищения, на которые имеет право хозяин, вложивший немало сил, фантазии и денег в свое жилище. Но посмотрев на девушку, он понял, что в данный момент зерна падут на камень.

– Что у вас с рукой?

– Не беспокойтесь, – слабым голосом сказала Саша, – ничего серьезного. Фантомные боли, – она попыталась улыбнуться, – Алексей, раз уж на вас свалилось такое обременение...

– Не обременение, а неожиданная, но приятная гостья.

– Помилуйте, какая из меня сейчас гостья? Нет сил ни чаи распивать, ни клубничное варенье нахваливать. И поскольку хуже и неприличней уже не будет, вы не сочтете меня совсем уж неблагодарной свиньей, если я скажу, что ужасно хочу принять душ и лечь спать. Если честно, я еле держусь на ногах.

Алексей с жалостью посмотрел на измученное лицо девушки.

– Не только не сочту, но даже настаиваю на этом. Пойдемте.

Алексей проводил Сашу на второй этаж, показал гостевую спальню, душ, дал полотенце и удалился.

Пока Алексей перетаскивал вещи из машины, хозяйничал на кухне, пытаясь соорудить нехитрый ужин бобыля, и делал сотни других неважных, но необходимых дел, его мысли были постоянно наверху с девушкой. Он прислушивался к шуму воды, шагам по коридору и думал, что же делать дальше.

– Саша, вы не составите мне компанию за поздним ужином? – крикнул он.

– Нет, увольте, Алеша, – раздался мелодичный голос сверху, – я бы очень хотела, поверьте, но я и в самом деле просто падаю от усталости. Не обессудьте.

– О чем речь. Снисхожу к вашим телесным немощам. Отдыхайте, до утра не буду беспокоить. Комната в вашем полном распоряжении. Спокойной ночи.

– Вам тоже приятных снов.

Скрип двери и тишина.

Наспех перекусив и немного посмотрев телевизор, Алексей поднялся наверх. Из комнаты, где спала Саша, не доносилось ни звука. «Ну и ладушки», – подумал Алексей и пошел спать.

Сначала он никак не мог заснуть. В доме был чужой человек, и это как-то влияло на эргономику и атмосферу спального пространства Алексея. Где-то рядом дышала и переливалась аура другого существа, и не просто какого-то существа, а очаровательной девушки. «Надеюсь и в самом деле не домушница», – проскрипел где-то в глубине сознания сварливый голосок разума. Но Алексей предпочел от него отмахнуться.

Ближе к полуночи на крышу мягко обрушился весенний холодный дождь, и под шепот струй, бьющих по едва прорезавшимся листьям, Алексей смог, наконец, задремать. «Липовый дождь», – улыбнувшись, успел подумать он и забылся молодым счастливым сном.

Глава 3. Сны

Проснулся Алексей рано, бодрым и свежим, и сразу же все вспомнил. На столике рядом лежал бумажник и телефон. Машина тоже стояла во дворе. «Ну а мы и не сомневались», – менторским тоном сказал он своему разуму. «А вдруг она ушла?» – вдруг спохватился Алексей. Он за пару секунд оделся и выскочил из комнаты.

Дверь в спальню была по-прежнему закрыта. Алексей помедлил перед дверью. За дверью была тишина. Тогда он осторожно, двумя пальцами коснулся двери и нажал на ручку. Дверь слегка приоткрылась. Когда Алексей увидел лежащий около постели рюкзак и развешанные на радиаторе водолазку и футболку, у него сразу же отлегло от сердца.

Слегка сместившись, он увидел крепко спящую Александру. Она лежала животом вниз, одна рука под подушкой, кисть другой руки безвольно свисала с кровати. В комнате было жарко от отопления, и Саша раскрылась во сне. Одеяло сползло с ее нагой спины, залитой тусклым светом пасмурного утра. На спине девушки Алексей увидел длинные багровые раны с запекшейся кровью, которые шли параллельно и пересекали ее спину наискосок от плеча до бедра. Раны были по виду очень глубокие, болезненные и, кроме того, совсем свежие. Похожие раны, слегка подпухшие, были и на правом предплечье.

Алексей даже не мог вообразить, что стало причиной таких ран. На ум приходили только вилы или похожие на них инструменты с частыми зубьями. «Да, девушка полна сюрпризов, – подумал он, – и не всегда приятных». Алексей вспомнил слова Саши о зле, которое идет у нее по пятам, и впервые эти слова не показались ему простой фигурой речи. Он осторожно прикрыл дверь и спустился вниз.

Алексей начал хозяйничать на кухне, не только не стараясь приглушить шум, но напротив, иногда нарочито погромывая. Его усилия не пропали втуне. Через некоторое время наверху скрипнула дверь, и показалась Александра. После ночного отдыха ее лицо посвежело. Искушавшись в приветливой улыбке девушки, Алексей повеселел.

– Извините, Саша, завтрак холостяцкий, а посему на пять звезд не тянет, – он развел руками.

– Не переживайте, мне будет достаточно только трех, но желательно «мишленовских».

– Хм, и откуда же у нас? Мы с неба-то звезд не хватаем.

– Ну, может, вы их на лету хватаете. В вашей сервировке, Алеша, бездна вкуса. Впрочем, как и во всем остальном интерьере.

Алексей был польщен, но виду не подал и отшутился. Завтрак продолжался в атмосфере взаимной симпатии и веселья. Однако во время кофе разговор стали прерывать паузы, и Алексей понял, что надо расставить все точки над «и».

– Саша, я по глазам вижу, что вы сейчас скажете.

– Да ну? И что же?

– Что вам неудобно и...

– Естественно, мне неудобно злоупотреблять вашим гостеприимством. Это же очевидно.

– Послушайте, что я скажу. Мне надо на работу, а вы...

– А я...

– Не перебивайте. Вы никуда не пойдете. Вам надо отлежаться и отдохнуть. С вашими-то ранами. Где это вы умудрились так пораниться?

Александра пристально посмотрела на Алексея.

– Я поранилась в лесу, – сказала она, не отводя взгляда, – сейчас уже почти все прошло.

– В лесу? Это что же это за лес такой?

– Обычный лес. Ну, знаете, то береза, то осина... Извините, но я предпочту воздержаться от обсуждения моей царапины.

«Царапины! А может целой кучи царапин?» – так и вертелось у Алексея на языке. Но по глазам Александры он понял, что объяснений не будет.

– Ладно, сдаюсь. Закроем эту тему. Короче, я постараюсь освободиться с работы пораньше, и мы с вами погуляем по городу. Я ведь обещал вам культурно-просветительную программу.

Александра молчала.

– Саша, прошу вас, скажите же, что дождетесь меня. Неужели я не имею права на небольшую ответную?..

– Хорошо, Алеша, я буду ждать. А может, пройдусь по городу. Еще не знаю. Короче, обещаю, что не скроюсь, аки тать в ночи. Правда, хотелось бы надеяться, вы не ожидаете немедленной ответной признательности. А именно, что в знак благодарности я помою пол и прополю грядки?

Алексей вздохнул с облегчением и улыбнулся.

– Грядки – нет, но от молотого кофе на месяц я бы не отказался.

Он быстро собрался и завел машину. Сегодня ужасно не хотелось ехать на работу. Саша стояла на пороге, кутаясь от холодного ветра в куртку. Уже выезжая из ворот, Алексей высунулся из окна машины и крикнул.

– Да, кстати, я про розовые кусты забыл сказать. Семь штук. Под окном.

Он подмигнул Саше. Машина выехала со двора, и ворота закрылись.

Саша осталась одна. Сначала она прибралась на кухне, потом планомерно обошла весь участок, уделив большое внимание входу во двор и прилегающей улице. На улице шел мелкий стелющийся дождь, абсолютно не располагающий к прогулкам. Тогда Саша вошла в дом и уселась на диване. «Ладно, надо немного поработать».

Ноутбук за ночь зарядился, соединение быстро установилось, и Саша вскоре уже зашла на нужный ей адрес. Раньше, когда она читала то письмо, оно не показалось ей серьезным. Оно могло быть и шуткой. Или пробным пером человека, решившего поэкспериментировать в жанре мистики. Хотя литературным шедевром эту эпистола тоже назвать было нельзя. Но раз уж судьба забросила ее в Закрайск... Почему бы и не проверить? Чем черт не шутит? А шутки у него бывают порой очень и очень странные. Ага, вот то письмо. Было отправлено в марте. Саша погрузилась в чтение.

«Добрый вечер! Или, вернее, доброй ночи!

Извините, что я вам пишу. Я сама не знаю, что заставляет меня вам это рассказывать. Наверное, дело в том, что больше мне обратиться не к кому. Разве что к психиатру. Вы, наверное, разное тут читаете. И я даже не уверена, что вы все это читаете. И что вы хотя бы вообще существуете. Мне дала этот адрес одна девушка на форуме. Я вот пишу и думаю, а вдруг она пошутила, и все это просто розыгрыш, ведь не бывает же в реальности людей, которые...

Ну да ладно. От меня не убудет, если я расскажу свою историю. Вдруг вы мне что-нибудь посоветуете. Я уже не знаю, что и делать. Конечно, ужасно стыдно все это рассказывать. Прямо как нагишом на улицу выйти. Ну блин, никак не могу перейти к сути. Короче, ладно, рассказываю, но Бог вам судья, если это розыгрыш, и меня на смех подымете. Грех это.

Меня зовут Настя, и я живу в городе Закрайске. Город наш не так чтоб уж очень большой, но все-таки есть пединститут, медучилище, еще пара-тройка училищ, а театров целых три штуки. Я сама учусь на первом курсе пединститута. Другие девчонки с моей школы вообще учиться не стали, а замуж повыходили сразу после выпускного. Но я решила, что надо поучиться немного.

Живу я с родителями и сестрой. Дома находиться, конечно, – это вообще привет. Или родители на мозги капают, или малая надоедает, шпионит, так и норовит то в телефон залезть, то почту прочитать. Поэтому я частенько у девчонок в общежитии зависаю. Там полная расслабуха. А домой, ну, только вечером, максимум поспать заявляюсь. Родители, конечно, иногда поорут для приличия, да и оставят в покое. И все вроде было нормально шло. Жила в свое удовольствие. А потом эти сны стали сниться. Я про все не буду рассказывать, слишком долго. Только самые важные.

Первый сон меня так поразил, что я даже его записала в тетрадь, хотя вообще-то дневник не веду. Вот перечитываю, что написала, и кажется, чушь полная. Но как вспомню, мне прямо так и горячо, и стыдно, и сладко становится, словно все заново переживаю.

Короче, приснилось мне, что я со своей одногруппницей рыжей Риткой решила поехать на Новый год в общежитие. И будто бы общежитие это на наше настоящее общежитие – трехэтажную сараюшку вонючую – не похоже. А будто бы это такое многоэтажное здание с просторными гулкими коридорами, с лифтами и зеркалами на стенах. Оно было почему-то полутемным, и люди, мелькавшие в зеркалах, казались почти призраками.

Ритка пошла к знакомым девчонкам в комнату, а я осталась в коридоре. Там народу было немало, но все какие-то молчаливые, к стенкам жались, а лица темные, в тени. Я остановилась у двери, и внезапно моя короткая юбка от сквозняка задралась очень высоко. Я оправала ее, и вдруг услышала сзади покашливание. Я обернулась и увидела рядом молодого человека в военной форме. Мне стало очень неловко перед ним. Я отошла в сторону.

Ритка все не шла, и я от скуки стала прохаживаться по полутемному коридору. Вдруг я споткнулась обо что-то и почувствовала, что падаю. Но я не упала. Меня подхватили. Я увидела, что это был тот же военный. Он поставил меня на ноги и оправил на мне юбку. Меня прямо как током насквозь прожгло. А потом, не отпуская из своих объятий, он сказал, что любит меня и что я должна стать его.

Этот момент я помню смутно. Я помню лишь ужасное смятение, которое охватило меня, но вместе с тем и чувство уверенности, что я тоже должна принадлежать только ему. Этот миг был сладким и тянулся целую вечность.

Молодой человек был очень нежен и уверен в себе. Я поняла, что готова сделать все, что он скажет. Этот военный сказал, что я должна прийти к нему, и он уведет меня к себе, не очень поняла куда. Да мне во сне это и неважно было. Еще он сказал, что надо пройти три ступени, что-то вроде посвящения. Ты же знаешь, он говорил, есть свадьба серебряная и золотая. Вот и обручение тоже таким бывает. Короче, за мной придут его посланцы, а я должна быть готова идти за ними и раздеться, когда они мне это прикажут.

Я не видела в этом абсолютно никакого смысла, но готова была сделать все, что он скажет. Голова у меня кружилась, и хотела я только одного – вечно оставаться в его объятиях. Я пошла в номер, где была Ритка, но он почему-то оказался моей комнатой у нас дома, только там была Ритка и какие-то другие ребята.

Я стала собираться и рыться в ящиках шкафа, судорожно пыталась найти какие-то вещи, не очень понимая, что делаю. Вдруг Ритка вскочила с места и стала дергать из моих рук вещи. Выдергивать и бросать их назад в ящик, говоря, что они мне уже не понадобятся. Она говорила с намеком, и я не могла понять, откуда она узнала то, о чем я сама не имела ни малейшего понятия еще несколько минут назад. Тогда я плюнула и вышла из комнаты.

Он стоял в самом конце коридора, почему-то не в форме, а в белой рубашке с расстегнутым воротом и кивнул мне, приглашая за собой. Его лицо смутным пятном белело в полутьме. Рядом с ним стояли два его друга. Я пошла в их сторону, а по дороге взглянула на себя в зеркало, чтобы убедиться, что я хорошо выгляжу. И (так бывает только во сне) я увидела в зеркале свое лицо с опущенными вниз ресницами.

Удовлетворившись своим внешним видом, я подошла к нему. Тогда его друзья стали объяснять мне, куда они меня сейчас поведут и что надо делать. От смущения и неожиданности я ничего не соображала. Один из них взял меня под локоть и повел по коридору, продолжая по дороге что-то растолковывать.

Первый друг прошел со мной до конца коридора, и тогда меня взял под руку другой сопровождающий. Я вспомнила, что должна раздеться, и это надо сделать заранее. И я начала на ходу расстегивать кофту и блузку. Его друг помогал мне. Все это казалось мне абсурдным, но я почему-то послушно все делала. Благо, что в коридоре было безлюдно. Только один парень, стоявший у лифта, удивленно посмотрел на меня, и тогда я со стыдом запахла расстегнутую блузку.

Когда мы вышли из коридора на лестничную клетку, меня повели почему-то не вниз, как я ожидала, а вверх. И вот мы пошли кругами по бесконечной мраморной лестнице, все вверх и вверх. Когда мы дошли до самой верхней площадки, друзья вдруг стали кричать ему: «Скорее же бери ее, или будет поздно!» А он вдруг остановился у края лестничного пролета, у самой дыры в центре между лестницами и сказал мне очень быстро: «Не бойся, верь мне и держись за меня!»

И я вдруг поняла, что он хочет прыгнуть вниз в этот глубокий многоэтажный колодец. Но неужели он птица? И я засомневалась, всего на секунду, и эту секунду он ждал меня. А потом прыгнул вниз, распахнув руки, и стал падать. И тогда я перестала сомневаться. Я поняла, что сейчас могу потерять его навсегда. И я прыгнула за ним вслед. Но внизу были не бесконечные лестницы, а бездонная тьма со звездами. И я падала в эту тьму. А он летел внизу подо мной, но вдруг стал падать все быстрее и быстрее, мелькнул звездой и погас. И я вдруг поняла, что потеряла его. И тогда я не то закричала, не то застонала: «А-а-ах!»

И вдруг очнулась ото сна на лекции. Лекция подходила к концу, а я, видимо, задремала, положив голову на руки. Сон был таким явственным, что я не могла поверить, что все это неправда. Сидела очумевшая, и все еще жила в своем сне. Рядом заходили и задвигались, кто-то толкнул меня, а я не замечала.

И это продолжалось не один день. Этот сон стал мне дороже реальности. Не хотелось никуда идти, ни с кем общаться. Свернусь дома на кровати в комок, отвернусь к стенке и лежу, переживаю его заново.

После этого прошло некоторое время, воспоминания и чувства притупились. Я думала, что все станет прежним. И тут я стала замечать, что мои подруги как-то сторонятся меня. Даже Вика, моя самая близкая подруга. Я понять не могла, в чем дело. В глаза ничего не говорят, но чувствую, что камень за пазухой держат.

Короче, засиделись мы как-то с Надькой (это еще одна моя одногруппница) в библиотеке, и я решила ее поспрашивать, в чем дело. Девка она не вредная, должна объяснить, чего от меня все, как от зачумленной, шарахаются.

Ну, поговорила с ней. Она сначала ни в какую не хотела, но потом говорит: «А что ты хочешь после той истории в общежитии?» – «Какой истории?» – говорю. – «Ну, та история на Новый год». – «Да какая история, толком объясни!» Краснеет, не хочет рассказывать. «Да, блин, Надька, в чем дело-то?» – «А треплются, что вы Новый год в общежитии отмечали, и тебя без сознания в расстегнутой одежде в какой-то комнате у парней на кровати обнаружили». – «Да ты с дуба рухнула! Я Новый год с родителями отмечала, мать припахала пельмени делать, так два дня из дома не выходила!» – «Что, правда? А говорят, в общежитии была. Что, врут?» – «Да что за сволочь такая слухи распускает?» – «Ритка рыжая, например, говорит. Ты, мол, куда-то с парнями ушла, а потом это... ну...» – «Да что она, с ума, что ли, сошла? Все брешет, дура рыжая. Вот я ей задам при встрече». – «А еще говорит, что видела, как ты в коридоре с военным обжималась». – «Да ты...»

Хотела я ей возразить, но язык прикусила. На душе екнуло. Вот блин, думаю. Ну хорошо, пусть врет все рыжая, но почему *так* врет. Сколько совпадений: и Новый год, и общежитие, и военный, и рубашка расстегнута. Ведь не бывает же такого. Откуда узнала? Я про сон свой ни единой живой душе не рассказывала. Короче, осталась я в полном недоумении. У Ритки спросить побоялась, да она могла и откреститься.

Потом история эта забылась, не такая уж и «малинка». И похлеще бывает. Короче, все вроде наладилось. Только зря я так думала. Потом мне стало еще хуже. После второго сна.

Приснилось мне, что я домой возвращаюсь. На улице тепло, на дворе лето, а я домой иду. Вошла во двор и подхожу к нашему дому. Он старый, наш дом, серый, кирпичный, восьмиэтажный. Вход в подъезды со двора. Их всего несколько под козырьками, а рядом с каждой подъездной дверью отдельный вход в подвал с небольшой лесенкой, заглубленной в землю. Наш подъезд самый крайний справа. Дверь в подъезд старая, тугая, от старости не закрывается, а над подъездом окна – как будто слепые, но на тебя смотрят, когда к двери подходишь.

И вот снится мне, что я днем возвращаюсь к себе домой и к подъезду подхожу. Подхожу и подъезд свой не узнаю – вроде он, и в то же время не он. Весь блестит, как новенькая монетка. Стекла натерты до скрипа, а дверь, как игрушечка, новенькая. Я в душе поразились, что с подъездом такие удивительные метаморфозы произошли, и внутрь вошла.

А лифта почему-то в доме нет, это во сне-то. И стала я подниматься к себе наверх пешком. Иду, а от шагов звук такой раздается гулкой, прям по всему подъезду гуляет. И на звук этот из квартир жильцы головы высовывают и на меня смотрят. И вижу я, что ни одного знакомого лица нет, все какие-то чужие, и смотрят так неприятно, враждебно как-то, так что я вся перепугалась, пока до своей квартиры дошла.

Сердце от страха стучит, я в квартиру звоню, а весь подъезд за мной наблюдает с напряженными лицами. Дверь в квартиру открылась, и я вошла.

Смотрю – и дом родной не узнаю. Совсем другая квартира, ну ничуть не похожа на мою обычную. Все чужое – и цвета, и мебель, и вещи. Ну ничего схожего нет. Мама меня встречает, ласково так улыбается и в кухню зовет. Только чувствую я, что опять что-то не так. С виду это моя мама, но что-то в глазах не то. Я оробела и за мамой на кухню пошла.

Сажу на табуретке и никак не пойму, что же со мной приключилось. Мой это дом или нет, моя это мама или только подделка под нее? А где же тогда моя мама? Куда она делась? Сажу я так, на душе тоска страшная, а эта другая мама все что-то мне рассказывает и говорит потом: «Подожди, Настенька, я тебе сейчас покушать дам». А сама стоит ко мне спиной и что-то готовит на плите. Я сажу в полной прострации, и не знаю, что мне делать.

И вдруг вижу я в зеркало (оно во сне почему-то прямо над плитой висело), что эта моя другая мама берет что-то из банки и в суп бросает, потом еще и еще. И вижу я, что в банке этой полно гвоздей, иголок, булавок и лезвий. И она все это в суп побросала и половником помешала.

Потом налила полную тарелку и передо мной поставила. И говорит: «Покушай, Настенька». Стоит и смотрит на меня. Я в ужасе, говорю: «Не буду я это есть». А она: «Еще *как* будешь, как миленькая». А тут в комнату отец входит, а руку правую за спиной держит. И спрашивает мать: «Что, не ест?» И на меня посмотрел. Гляжу и вижу отчетливо – не мой это отец, похож только, но глаза другие – холодные и злые. «Ну-ка, ешь, – говорит, – а то силком заставим».

И стало мне так страшно, так страшно. Сама не знаю как, вывернулась я и бросилась вон из квартиры. Рванула вниз по лестнице, бегу, а сама думаю: вот сейчас выскочит жилец из квартиры какой-нибудь и меня схватит. И правда – стоит мне пробежать, как сзади дверь хлопнет, и снова другая и так далее. А сверху эти, которые ненастоящие мои родители, тоже выбежали и кричат: «Настя, ты куда, вернись сейчас же!»

Выскочила я на улицу, стою перед подъездом, вся в шоке. Смотрю и не понимаю. Все в порядке, вот дом, вход крайний справа, только не мой это подъезд, да и все. Фальшивка, ловушка. А выглядит один в один.

Посидела я так на лавочке перед подъездом, а что делать, и не знаю. Домой надо возвращаться, скоро ночь, а где он, мой дом-то? Слезы у меня текут, жалко мне себя ужас как.

Опять подошла к подъезду. Заглянула внутрь. Ну не мой это подъезд и все, хоть убей. Нету там моих родителей, только оборотни эти, которые меня погубить хотят. Но где же мои-то родители? Где подъезд мой? Не мог же он вот так взять и исчезнуть.

Стою перед входом и глаза пялю на дом свой. Вот поддельный подъезд, а справа от него лесенка в подвал. Спустилась туда. Вот дверь в подвал. Смотрю, а еще правее какая-то другая дверка, такая низенькая, старая, неказистая. Я ее раньше никогда не видела. Что это за дверь, думаю. Толкнула ее, и она открылась. Вошла я туда и попала в свой подъезд.

Только опять он не такой, каким должен быть. Такое чувство, что тысяча лет прошла с тех пор, как тут люди жили. Все ступени мхом зеленым поросли, перила обломаны, в разбитые окна ветки деревьев влезли. Пролеты лестницы покривились, тут и там провалы зияют. На такую лестницу и ступить-то страшно.

Вышла я оттуда, стою и думаю. Что же делась? Куда мне идти: в красивый подъезд (но там же оборотни!) или в этот стремный? Короче, собралась с силами, вернулась в этот страшный подъезд и стала подниматься осторожно, прижимаясь к стенам. Ступени под ногами проваливаются, один раз даже нога застряла в корнях, еле выдернула. Короче, еле жива осталась, пока к себе на этаж поднялась. Дверь в квартиру нашу тоже вся старая, покоцанная и как будто жуком источена. Постучала я и стою ни жива ни мертва.

Дверь открывается, а на пороге мама моя! Моя, родненькая, настоящая! Как я бросилась ей на шею! «Мамочка, – кричу, – любимая!» А та тоже плачет, говорит: «Настенька, нашлась, доченька, я уж думала, мы и не свидимся с тобой». Как мы с ней слезами залились, и тут проснулась я. Лежу и плачу, и так грустно мне, что словами не передать. Так и лежала в постели и шмыгала, пока сестра не проснулась и не спросила: «Ты чего, простудилась, что ли?»

Приснилось и приснилось, скажете вы, что тут такого, кому подобные сны не снятся? Может, и так. Но мне от моих снов так муторно, так тошно. Засыпать боюсь, а как проснусь, хожу вся, как в воду опущенная. Даже голова стала часто болеть от всех этих сновидений, и слабость такая иногда накачивает дикая. Тут вдруг однажды ни с того ни с сего голова закружилась, едва в обморок не упала. Короче, совсем меня эти сны доконали. А главное-то даже не в этом, не в плохом самочувствии.

После того, как мне тот сон приснился, прошла неделя. Я уж про него и думать забыла совсем.

А тут прихожу раз домой после учебы. Дома мать одна. «Есть будешь? – спрашивает, – Я как раз борщ сварила». – «Да не, попозже, вместе с Наташкой поем, а ты налей мне, пока, пожалуйста, молока холодного». Чего-то мне молока захотелось.

Села я на табуретку и смотрю, как мать в холодильник полезла. Достала она молоко и мне наливает в кружку. Ко мне спиной стоит. А потом смотрю я и не пойму, что она такое делает. Взяла со стола рядом с мойкой банку отбеливателя для белья и в кружку с молоком выливает. Я только краем глаза успела это заметить, так быстро она это сделала.

Потом поворачивается ко мне, кружку протягивает, и говорит: «На, Настенька, выпей». Я на нее смотрю ошарашено и вдруг отчетливо понимаю сердцем, что не моя это мать. А она стоит с кружкой этой протянутой и улыбается, а глаза злые, как у той, из сна.

И пока я на нее так смотрю с ужасом, она вдруг тоже понимает, что я все знаю про нее, и улыбка начинает медленно с лица сползать, как пена мыльная со стены. Тогда она говорит мне злобно: «Ну, чего вылупилась, пей, тебе говорю!»

Я с места, как подорванная, сорвалась и в коридор бросилась. Сумку схватила и горохом вниз по лестнице. Выбежала из дома, подальше от подъезда отбежала, чтобы из окна не было видно, за дерево спряталась и стою, а меня всю трясет.

В голове пусто, только одна фраза вертится: «Господи, да что ж это такое происходит!» Простояла я так минут тридцать-сорок, потом смотрю – Наташка с пакетом идет. Я ее зову: «Пойди сюда!» Подошла. Я ей говорю: «Ты куда ходила?» – «За молоком и творогом. Мать послала. Дома нет». – «Как нет молока?» – «Ты что, забыла, мать вчера все молоко на блины пустила, утром на кашу не осталось. Отец с утра сердился». Тут я тоже это вспомнила.

«А ты чего тут стоишь? Домой идешь?» Вроде, смотрю – Наташка как Наташка, на себя похожа. «Ладно, пошли», – говорю. Вместе не так страшно. Ну, приходим домой, там мать нас встречает. «Наташк, принесла молока? Ну, молодец. Давайте садитесь, я вас рассольником покормлю». Я смотрю: мать как мать. «А борщ-то где?» – спрашиваю. «Какой борщ? У меня только рассольник позавчерашний». – «А ты что, борщ разве не варила?» – «Да когда мне варить-то было? Я только что с работы пришла. Тебе чего, приснился он, что ли?»

Ну блин, в самом деле, мне что, *приснилось*, что ли, как мать меня хлоркой потравить хотела? Короче, я в тот день и ложку супа в рот взять не могла, одним хлебом питалась и водой из-под крана. А ночью нож с кухни взяла и под подушкой держала. Заснуть боялась, всю ночь лежала не спала, к каждому шороху прислушивалась.

Утром все из квартиры ушли, я больной сказала, осталась и наконец выспаться смогла. А потом села и стала думать, что делать. Или идти в дурку сдаваться, или что? На другой день я как-то в чувства пришла, заставила себя ходить на занятия. Всю неделю в интернете искала что-то похожее, и, короче, на одном форуме с девушкой разговор завела.

Она говорит, пиши в личку, я тебе кой-что присоветую, мне очень помогли. Поэтому я вам это и пишу.

Если честно, не сразу набралась духу написала. Только мне все хуже и хуже. Такие истории повторяться стали. Сны эти проклятые опять снятся, и жизни от них никакой нет. Если так дальше будет продолжаться, я уж и не знаю, что со мной будет. Скажите, пожалуйста, а можно что-то сделать или нет? Но вы моя последняя надежда.

С уважением, Настя».

Вот и все, что было в письме. Тогда сие повествование не показалось Саше хоть сколько-нибудь примечательным. Скорее, она была склонна предположить медленно развивающуюся шизофрению. Или, предположим, наркотический бред. А что, разве это не так начинается? Однако сейчас, когда маховик судьбы забросил ее в город из письма, почему бы не познакомиться с девушкой Настей поближе? А вдруг не все это блажь, и в этой истории есть зерно истины?

«Занятно, занятно», – сказала Саша и постучала пальцами по столу. Откуда-то из глубин души раздался робкий зов совести, и Саша поняла, что не сможет позволить себе расслабиться и насладиться жизнью, пока на историю не прольется хоть какой-нибудь свет. Она со вздохом выключила компьютер и пошла собираться. Сборы заняли пять минут, включая отправление сообщения Алексею о том, что она пошла на променад, но надеется увидеться с ним ближе к вечеру.

Глава 4. В поисках Насти

Когда неделю назад Александра писала ответ Насте, она ожидала, что та ответит, но отклика не последовало. И теперь Саша столкнулась с проблемой поиска корреспондентки.

«Итак, что мы знаем?» – размышляла она по дороге в пединститут. Девушку зовут Настя (будем надеяться, что имя не вымышленное), студентка первого курса пединститута (один в городе – повезло). Учится... (ну что бы ей написать, в какой группе учится!). Живет с родителями и младшей сестрой Натальей. Есть близкая подруга Вика. Это немало. Найти нетрудно, но побегать придется. Разумеется, чтобы поговорить по душам, надо девушку осторожно выловить где-нибудь в нейтральном месте (институт – вот оно!), но при этом не насторожить окружающих.

Институт имени Тодского располагался на симпатичной улочке, полной старых деревянных домов. Он был трехэтажный, стоящий глаголем, что наводило на мысль о его древнем происхождении, покрытый, как чешуей, облупившейся желтой краской, с белыми колоннами при входе, имевшими в середине приятную округлую выпуклость. Учебная часть находилась на первом этаже, и Александра была туда без промедления допущена доброй бабушкой-вахтером.

– Так вы говорите, что ищете свидетеля происшествия? – спросила дама, ведущая дела первого курса, подслеповато взглянув в корочку, которую Александра ей продемонстрировала.

– Да, видите ли, была свидетельница аварии, девушка, которая назвалась Анастасией, студенткой первого курса пединститута. Однако свидетельница полиции не дождалась, сославшись на неотложные дела, и удалилась с места происшествия. Дело уже дошло до суда, и показания свидетельницы могут иметь большое, а, может быть, даже решающее значение в деле. Необходимо найти девушку, чтобы записать ее показания. Разумеется, сделать это нужно как можно деликатнее.

Александра улыбнулась даме, адресуя улыбкой намек.

– Я понимаю, – чопорно сказала дама, роясь в личных делах, – Ну что за молодежь пошла! Неужели так трудно было выполнить свой гражданский долг, дождаться и дать показания? А теперь ее разыскивает полиция.

– Ну, не совсем полиция. И не надо винить девочку. Она могла плохо себя почувствовать, испугаться или что-то другое в этом роде. А может, она не сочла это важным. Вы нашли Анастасию?

– Я нашла четырех Анастасий. Вот их дела.

Александра быстро просмотрела личные дела и сфотографировала их. Лица девушек ей ни о чем не говорили, информации о членах семьи в деле не было. Записав, кто в какой группе учится, Саша вежливо поблагодарила чопорную даму и пошла искать девушек.

Расписание первого курса было тут же, на первом этаже. Все девушки учились в разных группах и были на разных занятиях. После часа поисков Александра смогла поговорить с тремя Анастасиями. Используя все ту же нехитрую историю о пропавшей свидетельнице, Саша спросила всех трех девушек о сестре по имени Наталья и получила отрицательный ответ. Судя по всему, искомым объектом была последняя, четвертая Анастасия.

Оставшаяся Анастасия в этот день в институт не явилась.

– Она уже неделю не ходит, – сказал Саше одноклассник Насти, высокий голубоглазый паренек. Паренек был гладко ухоженным, гладко причесанным и производил отрадное впечатление домашнего покладистого мальчика. – А зачем она вам?

Последовала детально изложенная легенда.

– Ну да, похоже на Настьку. В последнее время она вся такая дерганная. По сторонам озирается, может в стенку уставиться и сидеть так молча.

– Не скажешь, у нее есть сестра по имени Наташа?

– Кажется, сестра есть, а как зовут, не скажу. Может, и Наташа. А при чем тут это?

– Да понимаешь, свидетельница обмолвилась, что спешит к сестре Наташе.

– А, тогда все понятно.

– Так ты говоришь, что Настя себя вела в последнее время странно?

– Трудно сказать однозначно, странно или не странно ее поведение. Девушки вообще существа непредсказуемые. Возможно, Настя просто психует. Скоро сессия, так что, может, поэтому. А может, и болеет. Один раз ее даже чуть не вырвало на занятиях. Еле успела до туалета добежать. Кто ее знает, что с ней. А может, и принимает что-нибудь, – парень подмигнул Александру.

– Ты намекаешь, что Настя наркоманка?

– С чего вдруг такие далеко идущие выводы? – пошел на попятный паренек, – может, болеет, какие-нибудь лекарства пьет. Я просто делаю предположения.

– Ты близко знаешь Настю?

– Да не так чтоб очень. Вон, если интересуетесь, ее подруга Вика в конце коридора. Вон та, что в зеленом жилете и белой рубашке. Она вам даст более подробную информацию. Я мне надо идти. Извините.

Паренек быстро ретировался.

Саша догнала и сумела в последний момент перехватить Вику.

– Вика, подождите, мне надо с вами поговорить.

Вика внимательно выслушала Александру, помрачнела и отвела ее в уютный закуток между окнами.

– Здесь можно спокойно поговорить. Так вы говорите, Настя что-то видела и должна стать свидетелем?

– Да, а тебя что-то смущает?

Вика замялась.

– Извините, я не знаю, насколько удобно это рассказывать.

– Смелее, Вика. Настя ни в чем не виновата. Если она даст показания – хорошо, не даст – тоже не беда. Если у нее какие-то проблемы, то надо ей помочь. Может, в этом могу поспособствовать я. Поверь мне, я не враг Насте и искренне хочу помочь.

Убедительность в ее голосе заставила Вику пойти на откровенность.

– Короче, не хочу я о Насте такое говорить, но, похоже, у нее крыша поехала. Так что вряд ли она сможет быть свидетелем. Не-де-е-спо-собная – так, кажется, это называется?

– То есть, ты хочешь сказать, что в поведении твоей подруги есть некоторая ненормальность? А в чем это выражается?

– Раньше все было в порядке, но в последний месяц Настя так себя странно ведет...

– Расскажи, Вика, пожалуйста, подробно. Что случилось?

– Не то чтобы она что-то делала, но ее слова... Ну точно сумасшедшая.

– Вика, я не смогу ничего понять, пока ты не расскажешь.

– Короче, было раз в конце апреля это. Пошли мы с ней по улицам гулять. Захотели пирожные купить. Настя зашла в магазин, встала в очередь, а я по телефону говорила на улице. Вдруг она из магазина выскакивает, меня от магазина тянет, на ней лица нет, вся белая, губы трясутся. Я стала ее расспрашивать. Она не хотела ничего говорить. Потом долго мы с ней по улицам ходили, она никак успокоиться не могла, все о каких-то снах рассказывала, которые в реальность переходят. А потом говорит мне... Я ее лица в тот момент никогда не забуду. «Представляешь, Викуля, я стою в очереди, смотрю на людей в магазине, они ко мне поворачиваются, а у них вдруг у всех, представляешь, у всех, как в моем сне, лица начинают оплывать, как воск свечи, и стекать вниз. Они стоят с этими стекающими лицами и смотрят на меня. Вот этим, вместо лица. Я чуть с ума не сошла от ужаса».

Вика покосилась на Александру, ожидая ее реакции. Но Саша, нахмурившись, внимательно слушала и только кивнула ей в знак понимания.

– Вика, а еще такие случаи были?

– Может, и были, но мне Настя только в тот раз рассказала. Она говорила, что таких случаев становится все больше и больше. Что она уже не знает, что делать. Думает, не пойти ли к психиатру.

– Вика, скажи честно, а Настя не принимала случайно какие-нибудь наркотики?

– Я тоже ее сразу же про это спросила. Она обиделась. Стала мне руки показывать. Я говорю, что ты мне руки показываешь. Может, ты таблетки глотаешь или нюхаешь что-нибудь. Она на меня наорала и домой ушла. Короче, не думаю я, что она что-то такое принимает. Она бы мне про это рассказала.

– А почему Насти сейчас нет в институте?

– Она после майских праздников на занятия не пришла. И не звонит. Мы ведь поссорились. А я, если честно, боюсь ей звонить. Хотя, конечно, свинство с моей стороны. Подруга ведь все же.

– Вика, а ты можешь мне дать телефон Насти? С кем Настя живет?

– Да, конечно, запишите. Вот номер. Она с родителями живет. Мама – Валентина Константиновна и отец – Иван Алексеевич. Еще сестренка у нее младшая. В седьмом классе учится. Наташка.

– Хорошо, спасибо тебе.

Вика медленно натянула сумку на плечо.

– Простите...

– Да?

– А как вы думаете, сходить мне к Насте или нет, проведать ее? А то что я за подруга?

Александра посмотрела в глаза Вике.

– Конечно, сходи. Если ты действительно беспокоишься о ней. На то друзья и нужны, чтобы помогать друг другу в трудной ситуации. Ведь не для того же, чтобы только пирожные вместе есть.

Она улыбнулась. Вика покраснела, пробормотала что-то, махнула рукой на прощание и убежала.

Александра вышла на улицу. Та-а-ак. Конечно, однозначные выводы делать рано, но, похоже, что наркотики здесь ни при чем. Сумасшествие? Так быстро? Ну что ж, все может быть. Теперь надо было поговорить с самой Настей. Саша набрала номер телефона. Телефон не отвечал. Машинально продолжая набирать номер, Саша вышла из дверей института.

Так, что же теперь делать? Наверное, надо поехать к Насте и поговорить с ней. То, что Настя не ходит на занятия, да еще и не отвечает на телефон, настораживало. В порядке ли она?

Саша решила съездить к Насте и стала искать адрес в личном деле, но телефон вдруг зазвонил. Это был Алексей. Голос был веселый и жизнерадостный.

– Привет! Как самочувствие?

– Все нормально. Вот решила все-таки выйти погулять.

– Что нам снег, что нам зной, что нам дождик проливной... Но раз уж нам не страшны погодные катаклизмы, могу составить компанию. А заодно приглашаю на обед.

– Неожиданно, но приятно. Премного благодарна.

– Саша, раз уж мы настолько сблизились, что даже провели ночь под одной крышей...

– То есть, раз уж моя репутация насколько загублена, что и говорить больше не о чем...

– В точку! И раз уж глубина нравственного падения не поддается никакому измерению, то... не перейти ли нам на «ты»?

– Как мило. Действительно, только этого штриха не хватало для полноты картины.

– Саша, я серьезно.

– Конечно, Леша, давай на «ты». Так мне будет легче выразить благодарность и кланяться.

– Ты издеваешься?

– Это я издеваюсь? А кто заставил меня с самого рассвета молоть кофе и кусты роз под окном сажать?

– Нет, ну ты правда шутишь?

– Какие уж тут шутки?! Целых *семь* розовых кустов!

– Саш?..

Голос Алексея стал такой растерянный, что девушка рассмеялась.

– Ладно, где мы встретимся?

– А ты где сейчас?

Саша назвала улицу.

– Жди, буду через пятнадцать минут.

Так, похоже, поход к страдающей девушке откладывался на некоторое время. На пару часов, возможно. Саша уже чувствовала голод и была рада отложить расследование.

Глава 5. Глеб

Через пятнадцать минут на улице показался Алексей. Александра помахала рукой и запрыгнула в притормозившую машину.

– Привет!

Алексей так сиял, что Сашу начала мучить совесть. «Черт, свидание, как в романе. Только букета цветов не хватает. Так и знала, что опять начинаю влипнуть в историю. Надо будет срочно что-то делать». Однако в ответ она улыбнулась.

– Ты сегодня что-то слишком расслабленно работаешь.

– А я сегодня вообще больше не работаю. Преимущество начальника. Работать, когда хочу. Так что планировал составить тебе компанию на оставшуюся часть дня.

В его голосе Александра уловила некую виноватую нотку.

– Что-то случилось, Леша?

– Да, вот, понимаешь, друг мой позвонил. Только что. Мы уже год не виделись. Он давно из Закрайска уехал. А тут позвонил. Вернулся в город. По делу. Беда у меня, говорит. Подробности не сообщал. Говорит, буду рад увидеться. Я ему, правда, сказал, что не обещаю насчет сегодняшнего дня, но...

– Я все понимаю, Алеша. Какие могут быть развлечения, если все мысли о друге. Ты иди к нему, побудь с ним, если надо.

– Да я вот что подумал... А может, он ко мне заскочит? Мы с ним посидим спокойно, поедим, выпьем, то да се... И ты нам компанию составишь. Если не против.

– Да нет, конечно, я, в общем, не против посидеть с вами... Но вы же по душам, наверное, хотели поговорить? Я разве не буду лишней?

– Ты нигде не можешь быть лишней, – с нежностью улыбнулся Алексей.

Сашу опять кольнула совесть.

– Тогда ладно. Только извини, мне через пару часов надо будет по делу отъехать.

– Сопровождение принимается?

– Извини, Леш, мне надо одной ехать. Это правда по делу.

– Да что ты оправдываешься? Я ж понимаю – по делу.

– Спасибо, что понимаешь. Тогда поехали в магазин, что ли. А то у тебя в холодильникемышь повесилась.

– Ты не смотришь в корень. Вернее на полку над холодильником. Там бутылка стояла. Кстати, неплохая такая бутылочка. И банки огурцов закрученных тоже где-то завалились.

– Это что, на первое, второе и на десерт?

– А что, нельзя? О, точно – надо добавить еще фуа-гра и лобстеров.

– Без проблем, тогда поехали за фуа-грой. Где ее тут у вас тоннами на вес продают?

– Соседний супермаркет подойдет?

– Леш, слушай, это не в плане оплаты за гостеприимство... Тут я в неоплатном долгу. Но могу я поучаствовать хотя бы в финансировании совместной трапезы?

– Ты что, опять о денежном вливании?

– Ну-у, я бы очень хотела.

– Ни-ни-ни-ни. И даже не думай.

– Это уже просто свинство с твоей стороны.

– Отработаешь как кулинар.

– Ну вот, я так и знала. Это уже даже не свинство, а эксплуатация в самом чистом виде.

– Да, я такой жуткий эксплуататор.

– Ладно, эксплуататор. Хоть так, может, за ночлег и постой расплачусь. А то мне реально неудобно. Я серьезно.

- Опять ты за свое!
- Ладно-ладно. Ты с другом-то уже договорился?
- Я сейчас, мигом.
- Тогда давай договаривайся и поехали.

Через час они раскладывали припасы из магазина на кухне Алексея. Ввиду затяжного дождя шашлыки решили не делать. Александра обещала приготовить свиные шницели, салат и картошку. На большие кулинарные изыски она попросила не рассчитывать. Алексей сказал, что его устроит сейчас даже заплесневелая горбушка, политая отработанным маслом, такой он голодный, и пошел встречать друга.

Александра увидела, как друзья обнялись на улице и пошли к дому. Алексей что-то по дороге говорил, улыбаясь, и показывал на дом.

- Прощу знакомиться. Мой старинный друг Глеб, – представил он своего друга.

Глеб вошел на кухню и поставил на стол пакет с пивом. Он был высокий, неторопливый в движениях. Выражение лица было непроницаемо. Глазами Глеб спокойно, без улыбки, обошел кухню и стоящую у столешницы Александру, которая чистила картошку.

- Александра. Ну или Саша, – приветливо улыбнулась та.

– Очень приятно, – Глеб кивнул, но не улыбнулся. Он сел на диван и откинулся на спинку, заложив руки за голову.

Алексей обвел их глазами.

– Народ, слушайте, мне тут надо несколько звонков сделать. По работе. Я понимаю, что это хамство, но можно я вас покину на некоторое время?

- Ладно, вали, – сказал Глеб.
- Леша, я позову, когда еда будет готова.
- Я постараюсь быстро. Не скучайте без меня.

Алексей что-то мимикой беззвучно попытался передать Глебу, потом махнул рукой, улыбнулся Саше, еще раз тревожно посмотрел на них и поднялся наверх.

В кухне повисло молчание. Саша почистила картошку и поставила на плиту. Так же молча она начала резать овощи. Глеб сидел, откинувшись на спинку дивана, и, казалось, дремал. Он выглядел утомленным и грустным. Саша не пыталась завязать беседу. Наконец Глеб открыл глаза и посмотрел на Сашу.

- И давно это у вас с Лехой?

Саша подняла глаза на Глеба.

- Вы хотите спросить, в каких мы отношениях с Алексеем?

- Это мне и так ясно, – усмехнулся Глеб.

– Тут вы ошибаетесь, Глеб. Мы познакомились с Лешей буквально только что. Сутки назад, если быть точной.

Брови Глеба поползли вверх. Он присвистнул.

- Быстро же вы его обработали!

– Боюсь, что вы опять заблуждаетесь, Глеб. Мы случайно встретились на дороге в Закрайск. Алексей подвозил меня. Мы приехали в город поздно вечером, и оказалось, что гостиница на ремонте. Алексей пригласил меня остановиться у него на одну ночь. Это было очень любезно с его стороны. И я согласилась, хотя и не сразу. Вот и все.

- Ну да, конечно, вы еще и уговаривать себя заставили.

Откровенная издевка в его голосе не понравилась Саше, но и убеждать в чем-то Глеба ей совсем не хотелось. Так же, как и разубеждать. Подумав, она решила все-таки внести ясность в ситуацию, посмотрела на Глеба и веско сказала:

– Глеб, вы можете рисовать в своем воображении какие угодно картины. Однако это не изменит того факта, что мы с Алексеем едва знакомы, и наше знакомство продлится недолго. Увы. У меня есть дела в вашем городе, но как только я с ними покончу, мне придется уехать.

– Вот как? И какие у вас могут быть дела в *нашем* городе? – в голосе Глеба сквозило недоверие с некоторой долей враждебности.

Саша ослепительно улыбнулась.

– Глеб, давайте заключим перемирие. Хотя бы в присутствии Леша. Поверьте, с моей стороны ему не угрожает никакая опасность. Я нисколько на него не посягаю. Заявляю это с предельной откровенностью. Однако клясться и божиться, чтобы вас убедить в этом, я не собираюсь. Я уже сказала, что вы вольны думать обо мне все, что вам заблагорассудится.

Глеб молча и недоверчиво смотрел, а Саша, не глядя на него, невозмутимо продолжила резать овощи. На ее губах играла улыбка, а руки ловко и уверенно управлялись с ножом. Глеб помолчал немного, потом подошел и ворчливо сказал:

– Ладно, давайте я тоже что-нибудь порежу. Что я, как дурак, без дела сижу.

Саша кивнула.

– Вон там в пакете лук и зелень. Если вы их помоеете и порежете, вы меня бесконечно обяжете.

Некоторое время они в тишине резали и ссыпали овощи в большую миску. Наконец, Глеб сменил гнев на милость.

– Ладно, Саша, погорячился я. Ты извини. И давай, что ли, на «ты». Чего уж там.

Саша кивнула, соглашаясь. Когда Алексей спустился вниз, в кухне уже царила атмосфера мира.

Глава 6. Сестра

На улице чуть-чуть распогодилось, и дождь на время затих. Решили перенести еду в беседку и расположиться там. Александра думала было уклониться от совместного поглощения обеда и потихоньку скрыться, но Алексей этому воспротивился.

– Ну уж нет. Хотели вместе пообедать, а ты сбежать собралась. Дудки, так не пойдет. Обещала – и точка.

– Давай с нами, Саша, – неожиданно поддержал друга Глеб.

Саше не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

За обедом друзья вспоминали общих знакомых, Алексей рассказывал Глебу последние новости: кто с кем сошелся, расстался, поступил на работу, уволился, женился, спился, зашился или повесился. Александра удивлялась в душе многообразию и сложности жизненных перипетий их знакомых, однако от комментариев воздерживалась и вопросов не задавала.

Она начала догадываться о причине негативного отношения к ней Глеба. Возможно, это была обида на всех женщин вообще. Как догадалась Саша, супруга Глеба изменила ему во время долгой отлучки мужа и потом вышла замуж за своего любовника. По крайней мере, такие выводы сделала Саша из различных намеков и обмолвок Глеба и Алексея.

Глеб, морщась, выслушал рассказ Алексея, как тот столкнулся с его бывшей женой, и попросил не упоминать ее имени. К этому он присовокупил такие резкие выражения, что морщиться пришлось Алексею. Он покосился на Александру, но та сделала индифферентное лицо.

После нескольких рюмок беседа оживилась, и как любая беседа русских людей, перешла чисто в плоскость жизненной философии. Саша пропустила начало беседы, бегая в кухню за горячим, а когда она вернулась, спор был уже в самом разгаре. Говорил Глеб.

– ...Да если бы, брат! Проблема как раз в том, что нормальных, хороших людей мало. Большинство по жизни уроды. Вот, например, у нас на работе. Очень характерный пример. Наверх поднимаются в нашем корпусе четыре лифта. Три от одной кнопки приезжают, и есть еще один, грузовой, больше по размеру. У него отдельная кнопка. Лифты быстро приезжают, ну секунд пять, десять, максимум полминуты, может, подождать. Я грузовой никогда не вызываю и кнопку не включаю. Почему? Да потому что на этом лифте уборщицы с тележками ездят, грузы возят, вообще, люди могут поехать с чем-нибудь объемным, женщина с коляской, наконец. А большинство, как пришло, так сразу на все кнопки – бац – лупить со всей дури. Пускай, дескать, ко мне, любимому, все лифты едут, как на пожар. А вдруг один из них на секунду быстрее другого приедет. Я ж тогда свою жопу на секунду раньше вверх в офис вознесу и в социальных сетях на секунду подольше позависаю. А то, что кому-то может именно этот лифт понадобиться, и в голову не берет. Не говоря уж о том, что лифт зря гоняется по этажам, энергия расходуется. Мне ж на это наплевать, когда о моей жопе речь идет. Вот я и говорю, что в большинстве своем вокруг один сплошной биомусор.

– Это ты погорячился, не все же. Ты, брат, с выводами торопишься. К тому же, не может же быть человек во всем идеален. Может, он и не подумал, что это нехорошо – лифт без пользы гонять. Может, и не догадывается об этом.

– Да, конечно, когда он на улице кого-то подрезал или без очереди со второго ряда влез, он тоже не подумал, что этим такое вот, блин, малюю-ю-юсенькое неудобство другому водителю доставляет. Так, ерунда, плевать на других, зато он влезет без очереди и опять же свою жопу быстрее до офиса домчит. Или до миски с борщом быстрее доедет. Твари конченые.

– Ты прав, конечно, такой человек поступает по-хамски. Но нельзя же на основании этого делать вывод, что этот человек уже полностью тварь и отморозок.

– Да тварь он и отморозок, и быдло к тому же. Он что, думаешь, приехав домой, Бодлера в подлиннике читать будет или лекарство от рака изобретать?

– Ну, этого я не знаю. А вдруг?

– Да вряд ли. Быдло – оно и во всем быдло.

– Послушай, а вот такая ситуация. Подрезал тебя этот человек. Урод, да?

– Урод.

– Ладно, я тоже за подрезание готов в морду дать. Хорошо, предположим другое. Вот выбросил человек мусор из машины. Неправ?

– Да просто быдло.

– Предположим. Но потом ты пришел в поликлинику, а этот человек тебя вылечил. Или что-то другое хорошее для тебя сделал. Как ты тогда его оценивать будешь?

– Не знаю, за помощь и спасение спасибо скажу, а за мусор выскажу. А если подрежет, опять же в морду.

– Хорошо. Предположим, другой и вежливый такой, и мусор в урну бросает, и весь из себя такой образец приличного человека. А квартиру у родственничков-то отжал. А? Как тебе такой типаж?

– Да что ты мне все примеры разные даешь. И этот мразь, и тот. Разницы нет. Если человек порядочен, он во всем порядочен. Он изначально об окружающих думает, а не только о своей жопе. Он тогда и мусор не бросит, чтобы другие в его говне не стояли, и на дороге не подрежет хамски, и уж тем более не будет квартиру отжимать.

– Хорошо, допустим. А ты сам всегда во всем идеален? Всегда был аккуратен, никому не хамил, не подрезал, пусть случайно, просто пропустил поворот и надо повернуть?

– Да что ты мне пургу гонишь! Всегда понятно, ошибся человек или лезет нагло.

– Ладно, хорошо, бог с ним, с подрезанием. А ты всегда был вежлив с родителями, не малодушничал, всегда помогал слабому, бился за несправедливость, в общем, всегда был самый-самый?

Глеб некоторое время молчал.

– Ты прав, я тоже был свиньей, и не раз. Родителям хамил, девушек динамил и вообще...

– Вот! Так и другие так же. Кто-то больший подлец, кто-то меньший, но все мы не идеальны. Все иногда что-то неправильно делаем.

– Ну ты сравнил! То есть и этот ребенка изнасиловал – подлец, и другой мусор бросил – тоже подлец. Одинаково, что ли?

– Конечно, нет. Но это полюсы. В обычной жизни мы все грешим примерно одинаково. Так, хамнул пару раз. Или на дороге, или жене, или продавщице в магазине.

– Да не должен нормальный человек никому хамить! Ни жене, ни продавщице, ни соседу в пробке. Поэтому он и зовется порядочным.

– Да где же граница? Вот ты Саше дверь не открыл, когда она выходила из дома.

– Да, блин, это я сплеховал.

– Да ты никому ее, небось, не открываешь. Так что ж, тебя тоже в подлецы записать?

– Слушай, я уже сбился, о чем базар идет. Ты к чему ведешь?

– Да я к тому, что теперь как поступить-то: я открыл дверь – меня в рай, а ты не открыл – тебя в ад?

– Почему?

– А почему нет? Где та граница, по которой разделение овец идет на хороших и паршивых? На ад и рай? На подлец или просто ошибся чуток? Как делить будем, брат?

– Слушай, иди ты уже. Никак делить не будем. А только если человек тварь, это и так понятно. Безо всякой твоей философии. Без овец и баранов.

– Ладно. Вопрос закрыт. Я просто хотел сказать, что нельзя огульно человека осуждать. Никто не знает, почему он в этот раз так поступил. И на какой процент он хорош или плох.

Нельзя спешить. Вот, считается, что после смерти дела наши будут взвешивать на весах. Какие вниз потянут, туда человек и отправится. Вот тогда и станет окончательно ясно, кто тварь, а кто нет. И кого-то, может, эта кнопочка с подрезанием, ох, как подведет.

– Ладно, давай, Леха, выпьем за то, чтоб наши хорошие дела стократ перевесили наши плохие.

– Давай.

– Я только, знаешь, что думаю?

– Что?

– Я думаю, человеку всегда дается шанс все исправить. И это от него зависит, воспользоваться этим шансом или нет.

– Что исправить? Что тут исправишь, если уже подрезал, или дорогому человеку в душу плюнул, или квартиру отжал?

– Исправить в самом себе. В жизни-то, конечно, уже никогда ничего не исправить. Но можно исправить в самом себе. Через поступки, через мысли, через страдания и через счастье даже. Сделать вывод из своих поступков. И в следующий раз поступить по-другому. Один раз сплеховал, ну что ж, с кем ни бывает. А вот второй раз... Вот тогда и понятно станет до конца, кто ты – тварь конченная или право имеешь. Право на то, чтобы называться порядочным человеком.

– Слушай, ладно, проехали. Ты какой-то озлобленный на весь мир сегодня. Кстати, а чего у тебя стряслось-то? Ты почему вдруг с работы сорвался и примчался сюда?

Глаза Глеба затуманились.

– Да беда у нас в семье, браток. Ты мою сеструху двоюродную, Настюху, помнишь?

– Это малявку такую?

– Хм, уже не малявку. Красивая девка выросла.

– Да, помню ее. Когда тебя в армию провозжали, она еще девчонкой была. Ревела, помню, все за тебя цеплялась. «Не уходи, Глебушка, миленький, прошу тебя. Остайся, пожалуйста». И смех, и грех.

Глеб помрачнел.

– Из всех родных Настюха мне ближе всех. Хоть и двоюродная сестра. В детстве всегда, помню, как нашкодит, так ко мне бежит. Глаза огромные, испуганные. «Глебушка, не выдавай, миленький». И за меня прячется. Сколько раз ее защищал. Из школы, помню, забирал. Очень она меня любила. Перед друзьями мной гордилась. Как девушкой стала, немного изменилась, конечно. Скрытничать начала. Понятно, своя жизнь, секреты разные девичьи. Но все равно, каждый раз, когда к ним заходил, ужасно мне радовалась.

Глеб замолчал. Александра и Алексей тоже молчали, боясь сказать что-то невпопад. Через некоторое время Глеб продолжил.

– Я помню, как Нинка меня бросила, тошно было – просто ужас. Целыми днями валялся на кровати, пил запоем и жить не хотелось. Так вот, пришла Настюха. А я – вдребадан. И стыдно перед ней, и тошно, и противно. А она ничего. Взяла меня за руку, в ванную притащила – и под душ. В доме все прибрала, еды принесла из магазина. Потом за стол усадила, села рядом. Меня кормит, а сама ласково-ласково гладит то по руке, то по плечу. И стало мне так жалко себя и ее стыдно, что разрыдался, как ребенок. Жаловался ей, на Нинку ругался, всякие поганые слова про жену говорил. Это ей-то, девчонке молоденькой. А Настюха меня все гладит и жалеет, шепчет что-то, все гладит и жалеет. Потом спать уложила и рядом сидела. Как с большим нянчилась. Я этого никогда не забуду.

– Глеб, а что случилось с Настей? – спросила Саша.

Глеб поднял на нее мрачный взгляд.

– В коме Настя. Такие вот дела.

Саша изменилась в лице. «Боже мой, пусть это будет *другая* Настя, не моя!»

– Как в коме? Да что случилось-то? – спросил Алексей.

– А вот так. Мне тетка позвонила. Оказалось, в последнее время с Настюхой что-то неладное было. То ли крыша поехала, то ли еще чего. Они уж хотели к врачу ее отвести. А потом вдруг слегла, говорят. И то в сон впадет, то лежит и в потолок смотрит. Совсем слабая стала. Врача позвали, а врач ничего и понять не может. Так, говорит, ничего сказать не могу. Надо, говорит, полное обследование сделать, анализы сдать. Как полегче станет, так приходите. Или в больницу кладите. А она вдруг не проснулась. Разбудить не могут. Скорую вызвали, Настюху – в больницу. Короче, лежит без сознания, в коме. Причины врачи не говорят. Сами, видимо, не понимают.

Алексей с сочувствием посмотрел на Глеба. Потом налил две рюмки.

– Выпьем, брат?

– Давай. За Настюху. Чтоб поправилась.

Они выпили.

– Глеб, а в какой больнице Настя лежит? – спросила Саша. Душу скребла мысль об упущенном времени.

– В центральной городской. В первой. В отделении реанимации. Вся бледная такая, куча приборов к ней приверчена. Я как увидел, так жалко мне ее стало, просто до слез.

– А ты когда приехал-то в город, Глебыч? Что ж ты мне сразу не позвонил-то?

– Я два дня назад только и приехал. Как такое дело с Настасьей случилось, сразу все бросил и на перекладных сюда. Два дня с родными был. Тетка убивается. Себя во всем винит. А в чем она виновата-то, скажи на милость. Да и дядя Ваня не в себе. Лица на нем нет, как на работу ходит, даже не знаю. Весь почернел прям.

– Слушай, может, помощь какая нужна, брат? Ты говори, не стесняйся. Деньги, может, нужны, а?

– Да не в этом сейчас дело. Что с Настеной случилось, никто понять не может. Врачи говорят, что все показатели вроде как в норме. А она без сознания. Как ее лечить-то, если непонятно от чего и как?

– Глеб, прости, что вмешиваюсь, – опять спросила Саша, – а кто с Настей сидит в больнице? Или она одна совсем?

– Да нет, мы с ней все по очереди и сидим. Тетка берет отгулы, если получается. Дяде Ване тяжелее. Будет много пропускать – в шею погонят. Он вечером старается заглянуть. После школы Наташка приезжает, с сестрой сидит. А я ночами дежурю. Надо же им немного хоть отоспаться, в себя прийти. А мне многого не надо, я и в палате могу поспать. Мне там раскладушку поставили. Все путем. Хорошо, что главврач – бабушкина знакомая. Она нам очень помогает, сочувствует.

– Да, брат, нелегко тебе, – покачал головой Алексей.

– Да плевать, что нелегко. Как Настюхе помочь, не знаю. Я бы для нее все, что угодно, сделал. А помочь реально ничем не могу. Вот сказали бы мне: «Пойди, мол, туда-то и туда-то, сделай то-то и то-то». Да я бы горы свернул, чтоб ее спасти. А ничего не могу поделать. Врачи утром приходят, какие-то анализы все берут, лица заумные делают, мудреные слова говорят. Ни черта не понимаю, о чем лепечут. Только Настьке, судя по всему, лучше не становится.

Глеб немного помолчал, потом с надрывом продолжил.

– Господи, сколько смертей видел, и как живые люди рядом умирали, видел. Вот сейчас живой был, а через минуту труп. Но Настька... Она же в безопасности была. Я и представить не мог, что вот так, на пустом месте...

– Ну, ты не каркай заранее.

– Да не каркаю я, Леха. Просто, ты не поверишь, вот лежу ночью с Настькой в одной комнате, и прямо кожей ощущаю, что косая где-то рядом вертится. Иногда кажется, что рядом стоит, смотрит на меня и на Настьку и ухмыляется.

– Да ладно тебе.

Глеб усмехнулся.

– Да бред, конечно. Просто, когда лежишь там, в больнице, делать абсолютно нечего, вот и начинаешь себе всякое придумывать.

– Слушай, не накручивай.

– Да уж постараюсь. И так все уже так накрутилось, что и не раскрутить никак. Ладно, ребятки, уже скоро вечер. Хорошо посидели, но пора и честь знать.

– Да посиди еще. Куда торопиться?

– Я в больницу поеду. Надо будет Наташку сменить.

Друзья поднялись на ноги. Глеб сказал, что ему надо отойти на минутку в дом, и оставил Сашу и Алексея одних.

С полминуты Саша собирала тарелки в полном молчании.

– Мне тоже надо будет уехать, Леш, – сказала она наконец, – По делу, как я говорила.

Ты сможешь все доубрать?

– Не привыкать. Все сделаю. Езжай.

– Слушай, я, возможно, сегодня найду гостиницу или другое место ночевки.

– Ну снова здорово! – огорчился Алексей.

– Извини, но это не обсуждается. Мне неудобно оставаться у тебя такое длительное время. Это действительно уже переходит все границы приличия.

– Послушай, я все понимаю: тебе неудобно, ты чувствуешь себя обязанной, и это напрягает. Только не пори горячки. Скажи на милость, где ты на ночь глядя будешь мотель сейчас какой-то искать? Давай сделаем так – останься еще на одну ночь, а завтра я тебе помогу.

– Леш, не буду ничего обещать. Сейчас я уезжаю, по ходу дела ориентируюсь, а там позвоню и скажу. Я не хотела бы мешать твоим планам, так что я могла бы забрать сейчас свои вещи.

– Вот еще! Пусть остаются.

– Спасибо тебе огромное, правда, спасибо за все.

– Эй-эй, мы же еще не прощаемся.

– Но ты же понимаешь, что рано или поздно нам придется попрощаться. Я долго в Закрайске не задержусь. По крайней мере, надеюсь на это.

Саша постаралась отвести взгляд, так как ей не хотелось видеть разочарование в глазах Алексея. Молчание продлилось несколько секунд.

– Саша, делай так, как тебе удобно. Ты мне ничем не обязана, не бери в голову, – голос Алексея звучал напряженно.

– Хотелось бы не брать, – грустно улыбнулась Саша, – но не получается. Ты знаешь про японского ондзина?

– Что-то такое слышал. Точно, если честно, не помню.

– «Ондзин» переводится как «человек благодарности». Вот делает один человек другому хорошее, тот ему благодарен. В ответ, соответственно, ему тоже что-то хорошее делает. Тот опять второму. И при этом никто не может быть уверен, что отплатил в равной степени. И кажется им обоим, что отплатил меньше, чем должен был. Короче, возникает этакий порочный круг, в котором каждый испытывает муки невыплаченной до конца благодарности и старается их выплатить. Полная безнадега.

– Ты хочешь сказать, что испытываешь муки?

– Еще какие. Просто Танталовы. И ни капли не могу утолить их. Потому что понимаю, что ничем, ну абсолютно ничем отплатить тебе не могу.

– А мне и не надо ничем отплачивать. И вообще, идиотская система этого ондзинства.

– Я согласна. Не наша система. Я тоже ее не придерживаюсь.

– А какой системы придерживаешься ты?

– А у меня порочный круг шире твоего.

– Это как понимать?

– Ну вот сделал ты мне хорошее что-нибудь. Я тебе отплатить не могу. Хоть и испытываю муки неутоленной благодарности. Но я пойду и сделаю что-нибудь хорошее кому-нибудь другому. Скажем, Насте, например, сестре друга твоего.

– А что ты ей сделать можешь?

– Да это я так, для примера. Для Насти я, может, ничего сделать и не смогу. Но предположим, что сделала. И тогда Глеб будет мне должен. А он не мне, а кому-нибудь другому сделает что-то хорошее. А третий четвертому, а четвертый пятому. А потом кто-нибудь из них сделает что-то хорошее тебе. Все, круг замкнулся. Но он намного шире. А может, он не замкнется никогда, потому что ему потребуется охватить весь мир. И будет это длиться вечно, пока земной шар кружится вокруг солнца.

– То есть, у меня есть микроскопический шанс дожидаться от тебя когда-нибудь отточки, но она придет от другого человека?

– Да, если когда-нибудь тебя на дороге подвезет девушка на машине и пригласит переночевать у нее дома, а потом еще и накормит вкусно, то считай, что это от меня.

– Ну нет, на некую абстрактную девицу я не согласен.

– Не знаю, а вдруг, и я когда-нибудь смогу для тебя что-нибудь сделать.

– А ты не можешь сделать прямо сейчас?

Алексей посмотрел прямо в глаза Саше. Саша покачала головой грустно и ласково.

– Леш, прости меня. Но боюсь, что ничего не получится.

Несколько секунд длилось молчание. Саша стояла, отвернувшись, и в душе ругала себя, что дала слабину и осталась у Алексея. Теперь она испытывала вину и не знала, как отделаться от этого чувства.

Из дома вышел Глеб.

– Ну все, бывай, брат. Мне пора.

– Звони, если что. Что понадобится, всегда помогу. Может, еще пересечемся? Ты же в городе зависнешь на некоторое время.

– Буду рад. Пока, Саша. Приятно было познакомиться.

Друзья обнялись. Глеб махнул рукой и вышел за калитку.

– Ладно, – с неловкостью сказала Саша, – мне тоже надо идти. Извини.

Она пошла на кухню и посмотрела на приготовленный заранее рюкзак. Потом вздохнула, достала из него ноутбук, переложила в маленький рюкзачок и вышла из дома.

Алексей убирался в беседке. Его напряженное лицо говорило об обиде и уязвленном самолюбии, хотя он и старался изо всех сил этого не показать.

– Леш, я оставлю пока вещи у тебя. Если не возражаешь.

Алексей махнул рукой в знак согласия. Судя по всему, вести с Сашей разговор ему не хотелось.

Саша вздохнула и вышла на улицу. На душе было пасмурно и слякотно.

Глава 7. Партнеры

Пытаясь догнать Глеба, Саша так быстро бежала, что совсем запыхалась. Она догнала его уже на автобусной остановке и едва успела в последний момент вскочить за ним в автобус. Когда она плюхнулась рядом на сиденье и широко улыбнулась ему, Глеб посмотрел на нее, высоко подняв брови.

– Вот те раз! Явление Христа народу. Мы же вроде распрощались.

– Сейчас, Глеб, подожди, отдышусь только и все объясню.

– Ну-ну. А чего объяснять-то? Я ж понимаю: ты влюбилась в меня с первого взгляда, бросила богатого, перспективного и, судя по всему, втрескавшегося в тебя по уши кавалера и бросилась за мной вдогонку в одном неглиже.

– Почти, – улыбнулась Саша.

– Ладно, давай выкладывай, с чем пожаловала, а то я уже беспокоиться за себя начинаю.

– Глеб, у меня действительно есть к тебе серьезный разговор. Не волнуйся, не матримониального свойства, не делай круглые глаза.

– Успокоила, спасибо, а то я уже было за валерьянкой полез.

– Мы могли бы где-нибудь спокойно поговорить? Не в автобусе.

– Ну, я, как бы, спешу в больницу.

– Это важно, Глеб. И, возможно, напрямую связано с Настей.

Глеб бросил на Сашу удивленный взгляд.

– Ладно. В сквере перед больницей пойдет?

– Да где угодно. Только подальше от посторонних ушей.

– Хорошо.

До центра они ехали молча. Говорить не хотелось. Саша в душе не была уверена, что стоит раскрываться перед Глебом. Однако уникальное стечение обстоятельств, которое столкнуло их сразу же, говорило само за себя. «Ладно, была – ни была», – решила она.

Сквер перед больницей был пуст. Огромные древние липы погружали его в полутьму. На мокрых после дождя лавочках не было ни души.

– И не сядешь никуда, – с досадой бросил Глеб, – В кафе, что ли, зайти?

– Не надо, мы можем поговорить и стоя. Уже насиделись.

Саша достала телефон и нашла нужную фотку.

– Глеб, это твоя сестра?

Глеб взглянул на фото, потом, нахмурившись, вернул телефон Саше.

– В чем дело? Почему у тебя это? Откуда ты знаешь Настю?

– Дело в том, Глеб, что я и приехала в город из-за Насти. Настя писала мне с месяц назад. Просила о помощи. Скажу откровенно, я не придавала ее письму большого значения. Прости. Наверное, я была не права.

Глуб сурово и изучающее смотрел на Сашу.

– Зачем Настя писала тебе? Какая помощь ей требовалась? Она что, не могла мне написать?

– Нет, Глеб, боюсь, ты не смог бы ей помочь. Да и я не уверена до конца, что у меня получится.

– Вот тебе и заявочка! И каким образом это связано с ее болезнью? Ты не могла бы толком объяснить, в чем дело?

– Разумеется, к этому я и веду.

Саша достала ноутбук и нашла Настины письма.

– Глеб, прочти, пожалуйста, только не говори сразу, что это бред.

Глеб с сомнением покосился на ноутбук, но взял его и стал читать, примостившись на краешке скамьи.

Саша ждала. По скверу носился сырой пронизывающий ветер, который раздувал ее куртку и воротник. Обхватив себя руками, она смотрела на здание больницы, высившееся за дорогой. Несколько минут прошло в молчании. Глеб, нахмурившись, читал. Потом он вернул ноутбук Саше.

– Бред сивой кобылы в знойный полдень, – сказал он.

Саша невольно улыбнулась.

– Я так и думала, что ты это скажешь.

– А что еще я должен говорить? Какие-то сны, девичьи грезы, какие-то фантазии Фарятьева. При чем тут это вообще?

– Глеб, я думаю, что странная болезнь Насти связана с этими снами и с тем, что происходило вокруг нее в последнее время.

– Каким образом?

– Этого я пока сказать не могу. Но я начала этим заниматься только сегодня.

– А чем ты вообще занимаешься?

Саша замялась.

– Это не так легко рассказать. Глеб, я могу рассчитывать на полное молчание с твоей стороны?

– Не могу заранее ничего обещать.

– Ты знаешь, я вообще не стала бы тебе ничего рассказывать. Просто я подумала, что это знак свыше – наша встреча.

– Это вопрос спорный – свыше или ниже. Саша, не темни. Объясни нормально, зачем тебе все это надо.

– Глеб, может, это прозвучит странно, но есть люди, которые занимаются случаями, которые выпадают, так сказать, из обоймы обыденности. Вот, например, как у твоей Насти. И помогают людям выпутаться из этой запутанной ситуации.

– Что за люди? Ты что, из полиции?

Саша скорчила гримаску.

– У полиции и так дел невпроворот. Им реальных жизненных случаев вполне хватает: с топорами и дробовиками по пьяни. Где им с чертовщиной дела иметь? К тому же, тут по протоколу не поработаешь. Да и методика работы другая.

– Так у тебя работа такая – чертовщину расследовать?

– Скорее – людей от чертовщины защищать.

– Упаси меня Бог от таких защитничков.

Саша улыбнулась.

– Я понимаю, Глеб, звучит экзотически. Да и аферистов много развелось, которые на человеческом горе наживаются. Так вот, сразу скажу – мне от тебя и твоей семьи ничего не надо. А Насте я все равно постараюсь помочь, даже если ты это в штыки примешь. Я ей обещала. Так что я Насте должна. Помогу или нет – не знаю. Я с таким не сталкивалась.

– А с чем ты сталкивалась?

Саша снисходительно улыбнулась.

– Ну, скажем так, некоторый опыт в этих делах у меня есть.

Глеб по-новому оглядел Сашу. Он считал, что хорошо разбирается в людях. Даже в женщинах. Но тут он вынужден был себе признаться, что имеет дело с незнакомым подвидом, который сразу не поддавался однозначной классификации. Однако было что-то в этой девушке, сразу располагающее к доверию, что ли. Почему-то хотелось верить, что она поможет. «Осторожно, все обманщики крайне обаятельны», – сказал ему внутренний голос.

– А почему я должен тебе верить? Я тебя в первый раз в жизни вижу.

Саша понимающе кивнула.

– Глеб, ты абсолютно прав. Осторожность – прежде всего. Однако... Просто давай рассуждать логически. Врачи что-нибудь нашли у Насти?

– Вроде ничего настораживающего.

– Скажи, тест на наркотические вещества брали?

– Да, врач сказал, что от наркотиков такое бывает. Но Настю проверили и ничего не нашли. Других отравляющих веществ тоже.

– Так. Значит, это можно исключить. Томографию головного мозга делали? Подозрение на опухоль и все такое.

– Сделали. Ничего не нашли.

– То есть, получается, что абсолютно здоровая молодая девушка безо всякой на то причины впала в коматозное состояние?

Глеб хмуро кивнул.

– Можно было бы предположить, что Настя вдруг сошла с ума. Не надо смотреть на меня волком. Я просто рассуждаю вслух. Допустим, Настя вдруг впала в сумасшествие. Но почему она при смерти?

– Саша, я же сказал, что никто ничего не понимает. Но верить в то, что Настю вдруг сглазили или навели порчу, я тоже не буду.

– А вот и зря. Такое бывает. Но в данном случае я в этом сомневаюсь. Однако говорить об этом рано. Надо все проверить.

– Что ты собираешься проверять?

– Глеб, я уверена на сто процентов, что состояние твоей сестры было вызвано чем-то или, скорее, кем-то. Но я не экстрасенс, чтобы сказать сразу, в чем причина.

– Странно, а я уже думал, что ты пошепчешь на воду и явишь нам истину.

– Ты зря насмехаешься. Так делают аферисты. Способных на такое людей нереально мало. И поверь мне, они не будут размещать об этом в газете объявления.

– А приезжать в другой город по анонимному письму взбалмошной девицы они будут?

– Слушай, Глеб, скажи, а что ты теряешь? Настя при смерти. Помочь ей никто не может. В такой ситуации хватаются за соломинку. А вдруг я помогу? Зачем же отмахиваться от меня? Пусть даже ты и не веришь мне.

Глеб встал со скамейки.

– Так ты моя соломинка? Предлагаешь ухватиться за тебя?

Он угрожающе завис над Сашей, но она совершенно спокойно встретила его взгляд. Глеб схватил Сашу за обе руки чуть выше локтя и сильно сдвинул.

– Слушай, соломинка, если ты...

Лицо Саши исказилось, а глаза потемнели, но вырваться девушка не стала. Сквозь зубы она процедила.

– Глеб, у меня ранена правая рука, и ты сейчас как раз сжимаешь мою рану. Мне очень больно. Я была бы очень признательна, если бы ты меня отпустил. Я, конечно, могла бы тебя сейчас пребольно стукнуть, но надеюсь достучаться до тебя иным способом. Для начала, вербальным.

Глеб отпустил Сашу и шагнул назад. Саша села на мокрую лавку и сидела неподвижно около минуты. В глазах было темно, а голова слегка кружилась. Глеб смотрел на ее побледневшее лицо и ругал себя за дурацкий порыв.

– Извини, Саш, я же не знал, – извиняющимся тоном сказал он.

Саша кивнула, не поднимая головы. Глеб присел на скамейку рядом и молча наблюдал, как ветер заворачивает блестящую от дождя липовую листву.

– Короче, чего ты предлагаешь?

– Спокойно разобраться во всем, – устало сказала Саша.

– А как?

– Глеб, логику никто не отменял. Надо понять, когда это у Насти началось, кто был рядом с ней или что произошло в это время. Кстати, именно поэтому я тебе и открылась. Тебе я доверяю.

– С чего бы это? – с усмешкой спросил Глеб.

– Ты же в городе отсутствовал долгое время. По крайней мере, год точно.

– Откуда такие сведения?

– От Алексея. А у Насти все началось, судя по всему, с первого сна. Она его видела то ли перед Новым годом, то ли сразу после. Так что ты ни при чем. Надеюсь.

– И на том спасибо.

– Извини, сарказм не принимается. Я не шутила. И если ты виноват...

Тут Саша посмотрела в глаза Глеба. Ее глаза смотрели твердо и жестко, и Глеб вдруг почувствовал силу и угрозу, исходящую от Саши. «Вот блин!» – подумал он. Он не ожидал такого от этой слабой на вид девушки. И Глеб вдруг почувствовал, что доверяет Саше, и она действительно помогает его сестре. Слабая надежда родилась в его сердце. «Боже, пожалуйста, ну пусть она поможет. Пусть произойдет чудо!» – взмолился он.

Саша отвела глаза. Они опять помолчали немного.

– К тому же, – продолжила Саша, – если бы ты сделал Насте что-то плохое, ты бы вряд ли прилетел, как на пожар, чтобы спасти ее. Хотя, конечно, убийце может доставлять удовольствие наблюдать за мучениями жертвы.

Ругательство так и готово было сорваться с языка Глеба, но он сумел сдержаться.

– Слушай, а тетка с дядей Ваней тоже под подозрением? – вдруг пришло ему в голову.

– Знаешь, мать и отца как-то подозревать неловко. Хотя случаи, когда родители жертвовали детьми, были, и нередко.

– Ты что, с дуба рухнула?! Мать с отцом родных детей?..

– Ну ладно, пока сбросим их со счетов.

– А Наташку?

– А вот сестру я бы пока оставила. Отношения сестер не всегда гладкие. Тут и зависть, и ревность, и соперничество. Короче, пока, я подчеркиваю – пока, я бы не спешила.

Глеб помолчал и со вздохом кивнул, вынужденный согласиться.

– И что будем делать? Проводить допрос с пристрастием?

– Мы?

– А ты думала, я позволю тебе проворачивать какие-то тайные дела у меня за спиной?

– Так мы работаем вместе?

– Работаем... – Глеб с усмешкой покачал головой, – Это называется работой?

– Назови это как хочешь. Мне важно понимать – мы партнеры или я сама действую?

– Ну уж дудки. Я в деле. Хотя и не поверю во всю эту хрень ни на йоту, пока не увижу своими глазами.

– Не беда, согласишься, когда воочию убедишься. Если мы, конечно, найдем причину.

– Да бред это все. Просто не могу больше сидеть сложа руки и ничего не делать. Мне надо действовать. Так что пусть и маразм, но хоть время как-то уьем. Ладно, была ни была, работаем.

– Тогда тебе придется доверять мне и, может быть, даже слушаться меня.

– Саша, я буду действовать так, как подсказывает мне мой разум, – возразил Глеб.

– В обычной ситуации это правильно. Но в данной... Ты «Сталкера» помнишь?

– Допустим.

– Вот представь, что придется проходить через Зону, где иногда действуют необычные физические законы. И тогда надо слушать того, кто знает правильный способ действий.

– Ну ты даешь! Предлагаешь камешки подбрасывать? – засмеялся Глеб.

Однако Саша смотрела на него серьезно и даже не улыбалась.

– Если потребуется. И также иногда нельзя что-то брать в руки или трогать. Такое тоже редко, но бывает.

– Ладно. Это принимается.

– И еще, – Саша замялась, – Встречаются крайне опасные существа, которые могут быть агрессивными. К этому тоже надо быть готовым.

– И где твой фирменный мачете против зомби?

– Глеб, я не шучу. Это все не шутки.

– Ладно, посмотрим. Пока я не могу воспринимать это всерьез. Слушай, мы уже черт знает сколько времени здесь торчим. Мне пора. Что предлагаешь делать?

– Сначала я хотела бы понять, как Настя контактирует с тем, кто вредит ей, и продолжается ли этот контакт.

– Каким образом?

– Надо будет поговорить с близкими твоей сестры и наметить круг общения. Кроме того, я предпочла бы провести некоторое время рядом с твоей сестрой.

– Некоторое время?

– Я думаю, если я проведу для начала рядом с ней ночь, уже будет неплохо.

– А как ты предполагаешь это устроить? Тебя не оставят в палате.

– Не волнуйся, – улыбнулась Саша, – это я беру на себя. Поговорю с врачами. Только не мешай мне и не раскрывай меня.

Глеб покрутил головой.

– Просто Санта-Барбара какая-то. Ладно, палить тебя не буду. Пошли тогда, что ли?

Глеб и Саша перешли дорогу и вошли в больницу. Время приближалось к вечернему, и все посетители больницы спешили покинуть ее скорбные стены. В вестибюле Глеб и Саша разделились. Глеб направился в палату к сестре, а Саша пошла искать главврача.

Глава 8. Навь

Через некоторое время в реанимационное отделение, где в отдельной палате лежала Настя, вошла Саша с заведующим отделением.

– Это совсем не по правилам, – ворчливо вещал он, – По закону только близкие родственники могут находиться в палате. Но все равно это мешает работе врачей. А теперь вообще не знаю. Мало того, что в палате постоянно находится кто-то из родственников, так теперь еще вы будете иметь свободный доступ. Это же клиника, а не проходной двор.

– Простите, доктор, но мне надо быть рядом с вашей пациенткой. Обещаю вам не надоедать.

– Ну ладно, брат еще нормально. И то – раскладушку поставили, живет там. Если бы не просьба Елены Дмитриевны...

– Мне раскладушка не нужна. Я на стуле посижу. Или на полу, в крайнем случае, – Саша доверительно улыбнулась заведующему.

– Ну что вы, в самом деле, – смягчился тот, – уж стул я вам достану.

– Вот и замечательно, доктор. Извините за хлопоты. Вы же понимаете – у вас своя работа, у меня своя.

– Ладно-ладно, проходите сюда, пожалуйста. Вот наша пациентка. А это ее брат. Надеюсь, сами с ним объяснитесь. А мне бежать надо, извините.

Доктор ушел и оставил Сашу и Глеба в палате вместе с Настей.

Саша кивнула Глебу и подошла к Насте, чтобы внимательно осмотреть ее. Настя была похожа на свою фотографию, только выглядела исхудалой и бледной. Под глазами синева, губы почти обескровлены. Глеб с жалостью смотрел на сестру.

– Саш, врач сказала мне, что сегодня Насте стало хуже. Даже была временная остановка сердца.

– Правда? В какое время?

– Вечером, незадолго до нашего прихода.

– А кто был с Настей?

– Врач сказал, что к этому моменту Наташка уже ушла. Кажется, Настя была одна.

– Ладно, разберемся. Я договорилась с врачами. Они разрешили мне дежурить вместе с тобой в Настиной палате.

– Не знаю, как ты этого добилась. Снимаю шляпу.

– Все просто.

Саша рассказала Глебу, как она искала Настю в институте и какую версию изложила ее одноклассникам.

– Конечно, детали пришлось несколько изменить, а остроту ситуации усугубить. Но, в общем, те же яйца, только в профиль. Кстати, мы работаем с тобой тоже согласно этой версии. Я официальное лицо.

– Ну вот, а я думал тебя своей девушкой объявить. Тогда можно официально тебя обнимать и целовать.

– Перебьешься.

– Жаль, жаль. Ну ладно.

Глеб растянулся на раскладушке и с усмешкой наблюдал за Сашей, которая прошлась по палате, разглядывая все вокруг, а потом подошла к окну и постаралась его открыть.

– Окно не открывается. Я пробовал.

Саша с укоризной взглянула на Глеба.

– Слушай, ты, несостоявшийся бойфренд. Ты бы, что ли, мне стул нашел. Или ты так и будешь лежать, а я стоять?

Глеб вскочил.

– Блин, извини. Я и в самом деле еще тот мужлан. Правду Леха говорил.

Глеб вышел из палаты и вскоре вернулся с креслом.

– Ваш трон, сударыня. Итак, что делать-то будем? До ночи еще уйма времени. Потом, как джентльмен, могу уступить свое ложе. Или присоединяйся, – Глеб подмигнул.

– Перебьешься. Спать будем по очереди, – отрезала Саша, – вернее, большую часть ночи буду караулить я, но если не справлюсь, разбужу тебя.

– Лады. А сейчас, знаешь, что? Давай в карты, что ли?

Глеб оказался запасливым. У него оказались и карты, и миниатюрные шашки с нардами.

Саша с Глебом увлеклись игрой и не заметили, как стемнело.

В палату заглянула сестра и потребовала выключить свет. Глеб выключил свет и лег на раскладушку.

– Слушай, мне как-то неудобно. Ты так и будешь сидеть всю ночь?

– Если я лягу, я точно засну. Так что все нормально. Постарайся сам заснуть. Может, я попрошу сменить меня через некоторое время.

– Тогда ладно. Хотя как заснуть, если рядом сидит обаятельная девушка и таращится на тебя.

– Я не буду на тебя таращиться. И кстати, в палате даже две девушки.

– Настька не девушка. Она сестра.

– А я тоже не девушка. Я партнер. И кстати, я реально хорошо владею боевыми искусствами. Я не шучу.

– Предлагаешь побороться?

– Ага. Конечно. Прямо здесь, в палате реанимации. Глеб, мне с тобой меряться сам знаешь чем не резон. Мы в разных весовых категориях. Я просто предупредила.

– Да, ну теперь я точно не засну. Как заснуть, если на тебя таращится девушка, владеющая боевыми приемами. От одних фантазий уже сон пропадает.

– Глеб, я тебя правда стукну, если не заткнешься. В больнице уже отбой. Должно быть тихо.

Глеб сердито заскрипел раскладушкой, устраиваясь. Вообще-то, он умел засыпать в любой обстановке, даже в боевой. Но тут почему-то сон никак не шел к нему. Прозрачные ветреные сумерки сменились густым ночным мраком. Под окном больницы шелестела листва, и ее шелест не давал успокоиться. Глеб крутился на своем прокрустовом ложе, но заснуть никак не мог.

– Саш, – позвал он шепотом, – ты в кресле замерзнешь. Садись рядом на раскладушку. Я одеялом поделюсь. Приставать не буду – честное скаутское.

Саша бесшумно скользнула и забралась с ногами на раскладушку. Она села, прислонившись к стене. Глеб присел рядом.

Некоторое время они сидели молча. По больнице ходили медсестры и врачи. В коридоре слышались приглушенные голоса. Каждый раз, когда шаги приближались к двери палаты, Глеб и Саша замирали. Но шаги удалялись.

– Саш, извини, а можно спросить? – шепотом продолжил разговор Глеб.

– Да, конечно, – чуть слышно ответила Саша.

– А по твоему мнению, кто мог с Настькой такое сотворить?

Саша немного помолчала. Потом неохотно начала говорить.

– Вариантов может быть много. Прежде всего, в голову, конечно, приходит ведьма. Ведьма может подбросить человеку заговоренную вещь, которая нанесет вред, может свести в могилу. Поэтому завтра мы поедем домой к Насте и поищем колдовской мешочек.

– Что?

– Ну, это такой магический предмет, на котором лежат злые чары. Хотя... Вот Насте сегодня стало хуже. А никаких подозрительных предметов в палате я не заметила. Но ведьма может колдовать и отдаленно. Так что, конечно, попытка не пытка, но большой ставки я на это не делаю.

В темноте Глеб не видел Сашиного лица, только белый овал. Он сидел, закутавшись, и слушал писк приборов.

– Еще одно, что напоминает ведьму, – продолжала Саша, – это видения Насти. Ей виделись различные невероятные вещи. Ведьма способна на это. Она часто морочит человека, отводит ему глаза, заставляет видеть то, чего нет на самом деле, и наоборот, не замечать существующее. Так что это тоже укладывается в мою версию. Но! Не может же ведьма ходить с Настей целыми сутками. А вот что совсем не укладывается в эту версию... Вернее, о чем я вообще слышу в первый раз...

– Что?

– Я никогда не слышала о том, чтобы видения появлялись из снов. То есть, получается, что сны постепенно начали заменять реальность у Насти. Конечно, если все ее письма правда, и она никого не обманывала.

– Зачем бы ей это?

– Вот и я так думаю. А о таком я никогда не слышала. Вроде. Ведьмы так себя не ведут. Так что, на ведьму это не похоже.

– А при чем тут вообще сны?

– Как тебе сказать, Глеб, сон – это особенное состояние человека. Если интересуешься, почитай медицинские статьи. Очень, очень интересно.

– Предположим. А при чем тут магия и все такое?

– Во-первых, во сне реализуются все мечты и желания человека, о которых он думал и даже не думал. И также воплощаются в жизнь кошмары, все его загаженные дремучие страхи, гнездящиеся в подсознании. Так что сон – это уже целый мир, созданный человеком. А, кроме того, сон – это мост между этим миром и миром нави.

– Нави?

– Да, миром не упокоенных мертвых. Так называемые *ходячие* покойники не видимы нам и не могут контактировать с живыми напрямую. Вернее, могут, но это только в отдельных случаях.

– Привидения?

– Хм-м. На самом деле, все люди не сразу покидают этот мир. Это, наверное, тяжело сразу бросить все, что любил, и всех, кого любил. Для этого надо время.

– Поэтому считается, что покойник находится в доме до сорока дней?

– Может, меньше, может, больше. Все зависит от конкретной ситуации. Считается, что тяжелее всего уходить тем, о ком сильно плачут и страдают.

– Так что, не плакать, что ли? А если это любимый ребенок, любимая жена или муж? Как можно вообще не страдать?

– Я не говорю, что не надо. Разумеется, живым тяжело. Но, наверное, и мертвым тяжело, если по ним слишком грустят. Это их мучает, и они не могут уйти. Болтаются между мирами, а их не отпускают.

– А как понять, что умершему плохо и ты держишь его?

– Вот для этого и используется мост между навью и живыми. Они приходят во сне, чтобы поговорить, пожаловаться и попрощаться. Такие сны обычно очень живые, они запоминаются навсегда.

Повисло молчание.

– А ты знаешь, – сказал Глеб через некоторое время, – ты права. У меня тоже были такие сны.

– Да?

– Ага. И я их до сих пор отчетливо помню: их настроение, лица близких, о чем говорили, даже краски и погоду.

– А кто тебе снился?

– Сначала мне приснился дед. Он был очень больным. Участвовал в войне, был ранен осколком, сильно болел и рано умер. Сердце.

– Сочувствую.

– Дурацкая смерть. Ты помнишь начало девяностых? Когда продукты пропали, все по карточкам, огромные очереди, ничего нет. Вот и он тоже стоял в такой очереди, не помню, за чем, писали списки какие-то, отмечались. А тут пришли другие, со своими списками. Дед крайне нетерпелив был к несправедливости, стал кричать, порвал эти левые списки, перенервничал. Тут же в толпе инфаркт. Мгновенная смерть.

Саша сочувственно смотрела на Глеба. Он видел в темноте блеск ее глаз. Помолчал немного, продолжил.

– Не могу сказать, чтобы я так уж сильно переживал его смерть. Молод был еще да глуп. Это, повзрослев, мы начинаем иначе относиться к смерти близких, по-другому ее чувствовать и больше страдать. А пока мы молоды, *так* это не чувствуется. Вот и его смерть я перенес относительно легко. Только иногда вспоминал его. А потом, на войне, я вдруг стал часто о нем думать. Конечно, и война другая и все другое, но все же... Стал жалеть, что мало его спрашивал о той войне, о том, как он пережил ее. Вообще стал жалеть о многом, – Глеб поворочался, устраиваясь на раскладушке по-другому, вытянул ноги и продолжил, – Может, я просто повзрослел. А потом он приснился мне. Как будто я бегу по весенней солнечной улице. Небо голубое, зелень вокруг. Стоит такая погода, что просто блеск. И вдруг он мне навстречу попадает. Страшно обрадовался, кричу ему: «Дед! Дед!» А он поворачивается ко мне. Лицо такое светлое, чуть ли не молодое, в глазах радость жизни, весь такой торопится куда-то. «Привет, Глебка! – говорит, – Как жизнь? Все хорошо?» А я стою, и в горле ком слез, понимаю, что я, оказывается, так скучал по нему, что просто слов нет. А что сказать, и не знаю. Стою перед ним дурак дураком. Повторяю: «Дед! Дед!» Он, видимо, все понял, улыбнулся мне так светло, так радостно, по плечу потрепал. «Ладно, Глебка, не горюй, все перемелется. А мне пора, ждут меня. Все, давай, спешу я». И тут же побежал по улице, куда-то скрылся в толпе. А я стою и сдвинуться не могу. И так мне остро его не хватает, и обидно, что у него какие-то свои важные дела, помимо меня, есть, и рад за него, что он весь такой прямо светится от счастья, – Глеб снова замолчал, потом слегка прокашлялся, – Так ты не поверишь, Саша, я потом долго его в толпе искал. Кажется, что вот же он, такой похожий старичок, догоню, а это не он.

Саша благоразумно молчала.

– Так зачем он приходил-то ко мне, как ты думаешь?

– Этого лучше тебя никто понять не сможет. Он ведь к тебе приходил. Так что твое сердце тебе лучший ответчик.

Глеб кивнул.

– А еще раз мне бабушка приснилась. Было это уже, когда я взрослым стал. Любил ее ну очень сильно. До сих пор по ней скучаю. Бабушка была такая сильная, справедливая, очень ее все знакомые уважали и ценили. Видишь, ее давно нет, а я этим пользуюсь. Вон как в больнице ко мне относятся. Хотя и умерла она давно.

– Людские добрые поступки срока давности не имеют.

– Ну да. В старости она от разных болячек очень сильно сдала. Маленькая такая стала, жалкая, все болело у нее, слышать стала плохо. Смотрела на меня такой извиняющейся улыбкой провинившегося ребенка. А в моем детстве я ее помню властной, сильной, очень уверенной в себе энергичной женщиной. Умерла она тихо. До сих пор жалею, что не был с ней в ее последние часы. Я в это время спокойно спал в постели. И ничего не шевельнулось во мне,

ничего не почувствовал. А она тихо, как свечка, в больнице ночью сгасла. Так и не смог я с ней попрощаться. Ни за что себе этого не прошу.

Глеб долго молчал. Саша тоже ничего не говорила. В коридоре слышались шаги. Они на секунду остановились у двери, но потом снова зазвучали дальше по коридору. Саша с Глебом выдохнули.

– Короче, по бабушке я скучал гораздо больше, чем по деду. Как попадется что-то в квартире, ее руками сделанное: ну, там, какая-нибудь вышивка или салфеточка вязаная, так прямо укол в сердце. А потом она мне приснилась. Было это буквально через пару месяцев после ее смерти. Я сразу понял, что пришла она ко мне, потому что я скучал по ней сильно. И снова в моем сне она была не такая, как в старости, а такая, как в молодости. Дело не в лице, а в глазах. Они такие властные, такие уверенные в себе, смотрела на меня с каким-то даже триумфом во взгляде. А я так обрадовался, и так грустно мне стало – повалился перед ней на колени, ноги ее обнял и ну плакать. Извинялся перед нею, говорил, что люблю ее сильно, что скучаю по ней. А она меня по голове гладила, тоже что-то говорила, жалела меня, утешала. И больше не являлась. Они оба больше не приходили. Так что, Саша, они ушли в другой мир, успокоились?

– Да, я думаю, что им там хорошо, раз они такие светлые были, радостные. И тебе не надо из-за них так сильно расстраиваться.

– Да хотелось бы, – сказал Глеб с кривой усмешкой, – но, не знаю, получится ли. А если еще и Настька...

– Глеб, мы постараемся с тобой для нее все сделать, что возможно, правда?

Глеб кивнул.

– Слушай, можно еще спросить тебя?

– Конечно. Спрашивай.

– Так навь во сне приходит, чтобы попрощаться?

– Да по-разному. Иногда попрощаться, чтобы близкий не страдал, не скучал выше меры.

Мы ведь всегда испытываем перед умершими вину. Особенно, если это близкие. Что не успели что-то сделать, выполнить свое обещание, побольше побыть с ними, лишний раз выразить свою любовь и ласку. И вина эта никуда не денется, искупить ее перед умершими уже возможности нет. Вот и гнетет она, эта вина. Поэтому и приходили к тебе бабушка и дедушка, чтобы утешить тебя, наверное.

– А другие зачем приходят?

– И за этим, и за другим. Бывает, нужно что-то покойнику. Беспокоит что-то его. Может, какое-то дело осталось незаконченное, может, наоборот, что-то ему не дали. Вон много случаев бывает, когда не положили в гроб покойнику нужной ему вещи или любимую одежду не надели. Тогда приходит, жалуется.

– Слушай, ну точно. Мне бабка тоже такую историю рассказывала. Про свою сестру младшую. Сестра у нее умерла молодой, это после войны было. Не помню, от чего она умерла, только была она незамужней. И как водится, положили ее в гроб в одежде невесты: в белом платье, в фате, а на ноги ей надели белые туфли на каблуках. Она их как раз незадолго до этого купила себе. И вот проходит какое-то время после похорон, и прабабка моя бабке моей, то есть дочери своей, говорит: «Не знаю прям, что делать. Дунька-то мне вторую ночь подряд все снится и снится. Жалуется, что похоронили мы ее в этих туфлях на каблуках. А ей на том свете ходить в них неудобно. Говорит, поезжай, мол, мать, в город. Там в магазине таком-то и таком-то продаются тапочки удобные. Так ты мне их передай, а то мочи нет, как мучаюсь я. Чего делать-то, Клав?» Моя бабка говорит: «Раз просит, надо сделать. Я, мать, съезжу и куплю. Ты не волнуйся. Только как я ей тапки-то эти передам?» – «А она говорит, что надо поехать в село такое-то и найти там зеленый дом под высокой крышей. Наличники на нем белые с голубым, а перед домом береза растет. Надо там через Михаила какого-то ей тапочки эти передать».

Бабка немало удивилась, конечно, но назвался груздем – полезай в кузов. Короче, после работы поехала она в магазин, какой во сне сестра называла. Купила там тапочки эти белого цвета. Действительно, продавались они там. На другой день, была ни была, поехала она в село это. Приехала, а что дальше делать, и не знает. Походила она по селу – и правда, в самом центре дом стоит, про какой Дунька во сне говорила. Зеленый с белыми наличниками. И береза тоже есть. Стоит бабка около этого дома, а зайти не может. Неудобно ей: как объяснить людям странность такую. А тут из дома женщина выходит. Ну бабка осмелилась, к ней и подошла. Извините, говорит, а у вас есть в доме Михаил? Женщина эта в слезы. Оказалось, что Михаил этот – сын ее. И он умер как раз два дня назад. Скоро похороны должны быть. Бабка прямо обомлела. А потом рассказала ей все про сестру свою и про просьбу ее. Как она снилась и просила тапочки ей через Михаила передать. Та женщина тоже поплакала, потом говорит: «Конечно, я все сделаю, тапочки я эти в гроб к сыну положу. Он, видимо, ей их и передать должен на том свете». Бабка ее поблагодарила, тапки оставила и уехала. Такая вот история. Только я раньше думал, что это все брехня, сказка такая. А теперь не знаю, что и думать.

– Мы не знаем, что для них может быть важным, а что нет.

– Слушай, если из-за такой малости они приходят, то что же, если какое-то серьезное дело осталось?

– Да, тогда бывает, надолго задерживаются и живых беспокоить начинают. Всякое бывает.

– А ты с таким сталкивалась?

– С агрессивным призраком? Да, не раз бывало.

– А рассказать можешь?

– Ты знаешь, Глеб, мне не хотелось бы этого делать. Это обычно очень личные дела. Ты же не думаешь, что если человек умер, то он не имеет право на приватность?

– Что, врачебная этика?

– Скорее тайна последней исповеди, – улыбнулась Саша.

– Понимаю.

– Слушай, Глеб, ты все-таки попробуй поспать. Завтра у нас трудный день. Надо многое сделать. Ты спи, а потом меня сменишь.

Саша выскользнула из-под одеяла. Глеб улегся и растянулся на раскладушке.

– Тогда спокойной ночи. И приятных снов.

– И тебе приятных снов. Желательно, без неприятных гостей.

Глеб улыбнулся и вскоре действительно заснул.

Глава 9. Мы все ловцы на золотых берегах

На рассвете Глеб почувствовал, как его толкают в бок.

– Глеб, слушай, можно мне тоже немного вздремнуть? Я уже совсем падаю.

Глеб вскочил. В неясном сером утреннем свете лицо Саши выглядело лицом осунувшегося призрака. Вокруг воспаленных глаз были круги.

– Ложись давай. Я покараулю.

– Ты только надолго не уходи, ладно? Ночью никого не было. Так может, утром... – бормотание Саши стало неясным. Она моментально уснула.

Глеб поежился. В палате было холодно, по полу сквозило. Глеб отлучился на минуту и снова вернулся в палату.

Больница постепенно просыпалась. В коридорах слышались голоса, звон и грохот катящихся тележек. Звук нарастал, больница начинала входить в рабочий режим.

В палату заходили врачи. Настю осматривали, делали какие-то процедуры. На спящую Сашу косились, но от вопросов воздерживались.

Выспаться среди шума Саше не удалось. Вскоре она села на раскладушке, мучительно зевая, и потянулась.

– Доброе утро, соня! – улыбаясь, сказал Глеб, который на планшете раскладывал пасьянс.

Саша обиженно посмотрела на него, покачала головой, но от укоров воздержалась.

– Ну и какие планы? Кроме врачей, в палату никто не заходил. Как насчет версии о хитроумном убийце в белом халате? Будем брать с поличным?

– Отставить, – угрюмо буркнула невыспавшаяся Саша.

– Угу. В двенадцать часов тетка обещала приехать и сменить меня. Будем ее дожидаться или слиняем чисто по-английски?

Саша взглянула на часы и заспешила.

– В мои планы пока не входило лобовое столкновение с твоей тетей. Я сматываюсь. Если она вдруг будет обо мне расспрашивать, ничего не говори. Хотя я думаю, что ей сейчас не до этого. А ты дожись ее. Не оставляй Настю одну. И скажи своей тете, чтобы она тоже строго вела учет всех посетителей: кто, во сколько, что делал и так далее.

– Слушаюсь и повинуюсь. А ты сейчас куда?

– Пойду позавтракаю, наверное.

– Поздний завтрак аристократа?

– Он самый. А потом надо ехать. С Наташей можно будет сегодня поговорить?

– Да, как раз удобно. Тетка будет до вечера в больнице, дядя Ваня на работе. Так что Наташка после школы в полном нашем распоряжении.

– Хорошо. Тогда так. Встречаемся в больничном буфете на первом этаже. Перекусим и в бой.

После встречи с тетей Глеб спустился в больничный кафетерий. Он с усмешкой понаблюдал, как Саша отчаянно гоняла по тарелке яйцо с майонезом, пытаясь подцепить его вилкой, и героически пыталась намазать на кусочек хлеба застывшее ледяное масло. Потом подошел поближе.

– Что, с дичью проблемы? Не дается в руки? – весело поинтересовался он.

Саша подняла на Глеба усталое лицо.

– Смейся, смейся. Следующей ночью караулить будешь ты.

– Да без проблем. У тебя такой вид, как будто в последнее время ты вообще мало спишь. Саша усмехнулась.

– Не в бровь, а в глаз. Я за последнюю неделю ночью только раз и выспалась нормально. У Алексея в доме. Низкий поклон ему за это.

– Слушай, а он знает, где ты сегодня ночь провела?

– Я позвонила ему вчера и предупредила, что занята и раньше следующего дня вряд ли вернусь.

– Да-а-а, дела. Ну и как он отреагировал?

Саша состроила кислую физиономию.

– Слушай, мне кажется, что у нас есть сейчас проблемы посерьезнее чувств Алексея. Давай займемся ими.

– Лады.

И Глеб пошел брать завтрак. Неторопливо перекусив, Глеб и Саша вышли из больницы и тронулись в путь.

Дом Насти находился в тихом спокойном месте недалеко от парка. Саше он был как будто знаком из письма Насти. Она сразу узнала по описанию и этот дом, и этот подъезд с разбухшей от старости дверью, и проржавевший навес над маленькой лесенкой, ведущей в подвал. Ей как будто был знаком и этот стойкий кошачий запах, впитавшийся в стены подъезда, и эти чахлые цветы в горшках на лестничных клетках, и щербатая разнокалиберная плитка на полу.

Глеб позвонил в дверь. «Тиль-тиль-тилиль» – прозвучал звонок. За дверью послышались робкие шаги.

– Кто там? – настороженный детский голосок. Глазок на секунду закрыла тень.

– Я, Наташка. Глеб. Открывай.

Дверь открылась. Наташа еще не успела переодеться и стояла перед ними в блузке и школьной юбке. Волосы были подстрижены в каре и перехватывались заколками. Карие глаза смотрели настороженно.

– Привет! Знакомься, Наташка. Это Саша.

– Твоя девушка, что ли?

Глеб и Саша переглянулись. В глазах Глеба стояли смешинки.

– Да, я его девушка, – обреченно сказала Саша мрачным тоном, – или что-то вроде того.

Глеб незаметно для Наташи иронически поиграл бровями, улыбнулся, но ничего не сказал.

– Чай будете пить?

– О! Чай! Супер! – Глеб снял свою куртку, принял куртку от Саши и повесил на вешалку, – Слушай, а можно я пока Саше вашу с Настей комнату покажу?

– Это зачем еще?

– Да что тебе, жалко, что ли?

Глеб демонстративно обнял Сашу за талию и повел через гостиную в дальнюю комнату. Наташа рысью бросилась в свою комнату, пытаясь опередить непрошенных гостей.

Комната Насти и Наташи была именно такой, какой бывают комнаты девушек-подростков: куча сувениров, игрушек, дисков, журналов и книг вперемешку с одеждой в неубранной постели. Наташа, покраснев, бросилась хватать вещи с кровати и швырять их в шкаф.

– Глеб, – шепотом сказала Саша Глебу, – чтобы осмотреться тут и поискать опасные вещи, мне понадобится как минимум полчаса. А то и больше.

Глеб кивнул.

Пока Наташа спешно прибиралась и приводила в порядок свою постель, Саша неторопливо оглядела комнату. Кровать Насти, стоящая у окна, была аккуратно застелена полосатым покрывалом. На чисто протертой тумбочке лежали стопкой сложенные книги. Саша представила себе, как мать Насти, усталая после работы, приходит в эту комнату, аккуратно складывает

вещи в стопку, протирает любовно тумбочку, застилает кровать, стараясь разгладить складки, а потом, присев на стул, закрывает глаза руками и прислушивается к звенящей тишине, которая царит в комнате. От прибранного письменного стола Насти, от ее бережно развешенной на стуле кофточки струилась такая материнская нежность и забота о своем несчастном больном ребенке, что Саше стало неловко за свои подозрения в отношении родителей Насти. И даже за свое присутствие здесь. Она почувствовала себя непрошенной гостьей в обители материнской скорби и любви.

подавив в себе чувство неловкости, Саша оглянулась и подошла к кровати. Над ней висел календарь с картинами русских художников. С настенного бра свешивалось несколько безделушек. Среди них внимание Саши привлек ловец снов.

– Можно посмотреть?

Наташа оглянулась, кивнула и продолжила торопливую уборку, а вернее, экстренное прятанье девичьих секретов.

Саша взяла ловец в руки. Он был сплетен изящно и вычурно. Украшенные бусинами нити паутины связывались в красивый узор и сходились в центре, который украшала жемчужина. Легкие перья, покрашенные в фиолетовый цвет, крутились на маленьких подвесках, тоже украшенных бусинами вперемежку с жемчужинками.

– Красивая вещь. Это Настина?

Наташа уселась на кровати и стряхнула со лба пряди выбившихся волос.

– Да, это Насте подарили на Новый год.

Глеб посмотрел на Сашу, которая разглядывала ловец.

– А что это такое и с чем это едят? – недоуменно спросил он.

Саша продекламировала.

– «Ему подобна человеческая жизнь:

Несется юность по расцвеченному лугу,

Мы обретаем зрелость в смене лет,

Вслед старость устремляется по кругу.

Закручиваясь в быструю спираль,

Последних недопитых лет вода

Сквозь трещину просачиваться будет,

Покуда не иссякнет навсегда».

Так говорил Иктоми, Высший Дух,

Из ивы обруч оплетая паутиной.

«Возьми его, о мудрый, и лови

В него любовь, надежду, свет невинный.

Пусть горести пройдут, тебя минуя,

И не затронет сердце черным смрадом

Зло зависти и ненависти зло.

Душа пусть не сочтется мрачным ядом

Отчаянья, и ревности, и боли.

Мы все ловцы на золотых берегах,

И ловим счастье жемчужной сетью.

Пусть будет благодатен наш улов!»

– А нельзя по-человечески? – попросил Глеб.

– Одна из древних легенд индейцев, – пояснила Саша, – говорит о Духе по имени Иктоми, который передал племени лакота этот оберег. Он был сделан в виде круга. Это форма у разных народов Земли считалась идеальной, ассоциировалась с солнцем, вечностью, а также цикличностью земной жизни. Оберег имел вид паутины с пустым пространством посередине и должен был помогать ловить в сети добрые идеи, мечты и сны. А злые должны были уходить в пустоту.

– А я думала, что ловец снов ловит сны. Разве не так? – удивилась Наташа.

– Другая легенда, которая сохранилась у племени оджибве, рассказывает о великой прародительнице Паучихе. Она научила женщин плести такие обереги. Паутина на обруче ловила дурные мысли, сны и кошмары и пропускала лишь добрые мысли и хорошие сны.

– Секунду, постой, ты сказала, что у этого оберега должно быть пустое пространство посередине. Или я что-то не понял?

– Нет, Глеб, ты совершенно прав. У индейцев паутина плелась не до конца, оставляя пустое пространство в центре. Однако подобные обереги очень древняя вещь, и их можно увидеть и у других народов. Например, похожая вещь есть у многих народов Сибири. Только плетется уже без отверстия посередине. Такой ловец ловит все сны: и приятные, и ужасающие.

– Как этот? – спросил Глеб.

– Да, похоже, – задумчиво сказала Саша, – конечно, сейчас мало кто задумывается о такой мелочи. Чаще всего ловец используют просто как элемент декора. Однако в древности только шаманы могли использовать такие силки, чтобы ловить разные образы из сновидений, усиливать их, делая более жизненными, яркими, учиться осознавать себя во сне, выживать в мире снов и бороться с его демонами. Это было одно из распространенных упражнений для шамана. Им приходилось иногда уходить в мир сна, использовать этот мост для общения с миром мертвых.

Все трое помолчали, разглядывая ловец в руках Саши.

– Саш, а этот талисман не мог?.. – не стал договаривать Глеб.

– Нет, не думаю, – неуверенно сказала Саша, – По крайней мере, сам по себе. Но давай я его на всякий случай с собой заберу. Надо его немного проверить. Ты не против? – кивнула она Наташе.

Наташа согласно качала головой, опасливо поглядывая на ловец.

– Наташ, а ты не знаешь, кто его Насте подарил?

– Да вроде это Рита, Настина подруга из института. На Новый год подарила. Так мне Настя сказала. Говорит: «Ой, какой красивый! Я его теперь все время рядом буду держать!» Вот и повесила.

– Понятно. А ты Риту хорошо знаешь?

– Нет, не очень. Пару раз только видела. Вот Вику – да, эту я хорошо знаю. Она часто к Насте в гости заходит. Правда, меня они все время спровадить куда-нибудь пытались. Чтоб я не подслушивала. Но вообще Вика милая. Очень сочувствует мне. Говорит: «Держись, Наташка». Даже обняла меня.

– А ты когда Вику видела в последний раз?

– Да вчера видела. Она узнала, что Настя в больнице. А тут как раз время посещения больных было. Она и пришла. И других одногруппников привела.

– В больницу? Одногруппников?

– Ну да. Я вчера долго в больнице сидела. До самого вечера. Глеб попросил. А тут они все и пришли.

– А кто конкретно?

– Ну, я всех не знаю. Человек шесть. Я из них только Риту видела пару раз, Вику знаю. Еще я парня Настиного видела.

– Настиного парня?

– Я не знаю, парень он ей или нет. Что, она мне рассказывает разве что-нибудь? – ошестинилась Наташа, – Это я так думаю. Он такой мимимишный. Во время болезни навещал сестру. Конфеты приносил. Я однажды раньше времени из школы вернулась и их застучала. Видела, как он ее за руку держал. Я вошла в комнату, а они смутились. Парень сразу от Насти отвернулся и стал рассказывать истории разные веселые. Рассказывал так прикольно, что мы

с Настей от смеха чуть не полопались. И вообще, такой добрый, вежливый. Мне тоже сочувствовал в больнице.

– А кто еще Настю в больнице навещал?

– Да никто. Никто же не знал, что она там лежит. Правда, мы не всегда рядом были. Мог кто-нибудь и зайти, пока мы отлучались.

– А перед больницей кто Настю навещал?

– Это когда она дома лежала?

– Да. И до этого.

– Да откуда ж я знаю?! Что я, слежу, что ли, за ней?! – заворчала Наташа, – Настька – она вообще скрытная. Ничего не рассказывает. А в последнее время у меня от нее вообще крыша ехала. Такое напридумывает, что просто ужас. Я и спать-то с ней в одной комнате боялась. Ночью Настька кричала, кошмары ей снились. Я в гостиной на тахте спала. От греха подальше. А когда я в школе днем была, ее могли и навестить.

– И все-таки, ты ведь кого-нибудь могла застать.

– Видела рыжую Риту, правда, зачем она приходила, не знаю. Один раз Вику видела.

– Когда ты ее видела?

– А как раз в тот день, что Настю в больницу увезли.

– Это какого числа было?

– Это я точно помню, тридцатого апреля. Родители на дачу поехали огород копать. А меня раньше отпустили. Слава богу. «Поезжай, – говорят, – домой, вдруг Насте надо чего-нибудь. Присмотри». Она уже совсем плохая была, с кровати с трудом вставала. Ну, я, короче, днем и вернулась. Поднимаюсь к лифту, вызываю его. Двери раскрываются, а оттуда Вика вышмыгивает. Увидела меня, смутилась чего-то, буркнула «Привет!» и вон из подъезда.

– Ты уверена, что это было именно в тот день, когда Настю увезли?

– А чего не помнить-то? Это ж совсем недавно было. Мне тот день до мелочей запомнился.

– Ну ладно. А как парня зовут, который Настю навещал?

– Вот чего не помню, того не помню. Я ж говорю, скрытная она, сестра моя. При мне она того парня как-то называла, только я имя забыла. Какое-то простое, обыденное. Нет, не вспомню.

– Наташ, а можно еще вопрос?

– А чего вы все спрашиваете и спрашиваете? – подозрительно спросила Наташа, – Вам-то какое до всего это дело?

– Не пойми меня превратно, Наташа, – доверительно обратилась к ей Саша, – просто я тоже принимаю всю эту историю с Настей близко к сердцу. Волнуюсь за нее и хочу помочь. Честное слово.

Она поглядела прямо в глаза Наташе. Наташа опустила глаза.

– Ну ладно. Спрашивайте.

– Да у меня всего один вопрос, – улыбнулась Саша, – К чаю угощение полагается? А то мы с Глебом с пустыми руками пришли. Неудобно. Да и чай как пить-то?

– У нас варенье еще осталось. Будете?

– Это не дело. Как же мы можем покуситься на последнюю банку варенья?

– Наташка, – вмешался Глеб, – слушай, не в службу, а в дружбу. Я тебе денежку дам, а ты сгоняй в магазин за тортиком или другим сладеньким. Надо же знакомство отметить.

Наташа радостно улыбнулась и сразу согласилась.

– А чего купить-то?

– Да что хочешь, на твой вкус. Мы тебе доверяем.

– Ну-ну.

И Наташа быстро убежала.

Глава 10. Тщетные поиски

– Так, у нас есть пятнадцать-двадцать минут, – сказал Глеб, – Пойдем скорее. С чего начать и где искать?

Они вернулись в Настину комнату.

– Искать во всем доме смысла нету, – заметила Саша, – Ищи что-нибудь среди Настиных вещей, поближе к ней. Может быть запрятано. Но надо понимать, что чужие не могли передвигать мебель или отдирать плинтуса. Так что прятали быстро и не так уж глубоко. Ищи что-нибудь необычное. Это может быть все, что угодно. Если найдешь ведьмин мешочек, не трогай. Зови меня.

– А как он выглядит?

– Несколько странных предметов, собранных в холщовый или другой мешочек или же просто связанных воедино.

– Странные? Это подойдет?

Глеб вытащил из-под кровати пыльный носок с засунутой в него заколкой. Саша приснула.

– Да, в девичьей комнате чего только не найдешь.

– Ты в мужской не искала, – буркнул Глеб, вновь залезая под кровать.

– В колдовском мешочке могут быть земля с травами, гвозди, кости, камни... Да что угодно, вплоть до отходов жизнедеятельности. Ты сразу поймешь.

Глеб вылез из-под кровати пыльный и со страдальческим лицом.

– Мы что, гуано ищем? Может, тогда по запаху?

Саша не могла не расхохотаться, глядя на него.

– Ладно, сама справлюсь.

Она бойко осматривала ящики письменного стола Насти.

– Так, ничего не нашла. Ты не поищешь в комодe?

Глеб даже отшатнулся.

– Упаси Боже в белье женском копать!

– Ну ладно, я сама. А ты на книжных полках посмотри.

Пока Глеб отодвигал и ставил на место книги, Саша ловко и аккуратно перевернула белье в комодe и заглянула в шкаф.

Раздался щелчок открываемой двери. Глеб и Саша быстро метнулись в гостиную.

Наташа принесла «Чародейку» и стала греть чай.

– Чего ж вы хоть чай-то не поставили? – проворчала она.

Оглядев критически Глеба, она спросила:

– А что это ты такой пыльный? По полу тебя, что ли, катали?

Саша опять не смогла удержаться от смеха и приснула.

Глеб соорудил девушкам зверское лицо и пошел в ванную мыть руки, гордо подняв голову.

Пить чай было весело. Глеб, оттаяв, начал рассказывать шутки. Оказалось, что он мог быть и не таким озлобленным, мрачным и угрюмым, каким он предстал перед Сашей накануне. А может, среди близких он чувствовал себя иначе.

Когда все только собирались сесть за стол, вдруг над головами разнесся неожиданный скрежещущий звук, да такой громкий и неприятный, что Глеб чуть не выронил нож, которым собрался резать торт.

– Тьфу ты! Совсем про Жорку забыл.

– Жора, бедный, всем сейчас не до него. Утром открыть бедолагу забыли.

Наташа встала на табуретку и сдернула платок с круглого предмета, стоящего на холодильнике. Под платком оказалась клетка с красногрудой нахохлившейся птичкой.

– Ой, снегирь! – воскликнула Саша, – Первый раз вижу, чтобы дома снегирей держали.

– Да не держит никто. Это только Жора у нас живет, – сказала Наташа.

– А как он к вам попал?

– Его папа с работы принес, из теплицы.

– Дядя Ваня работает в тепличном хозяйстве механиком, – пояснил Глеб, – теплицы огромные, с футбольное поле, полностью роботизированные. Людей, их обслуживающих, очень мало. Поэтому он и не может работу пропускать. Там надо роботов каждый день проверять. Если будет поломка, то огромные убытки хозяевам. За такое по головке не погладят. Скорее в шею погонят. А работу у нас найти нелегко. Вот дяде Ване и приходится с тяжелым сердцем, а на работу ходить. Сменить его почти некому.

– Да, теплицы у них суперские! – с восторгом продолжила Наташа, – я у папы сто раз была, но все равно интересно. Там теплицы для цветов на климатические зоны поделены, и в каждой роботы свою погоду делают. А люди ничего почти не делают. Роботы сами растения привозят, отвозят и проверяют компьютером.

– А птица-то откуда?

– А, это вообще интересно. У них теплицы каждое утро автоматически открываются. Для проветривания. А в щелки птицы иногда залетают. Так вот, чтобы птицы не портили там ничего, у них под крышей клетки-ловушки приделаны. С кормом. Залетит птица, увидит корм – и в клетку покушать. А клетка тут же захлопнется. Вечером все клетки вниз съезжают, и птиц на волю выпускают.

– Надо же, какое гуманное приспособление!

– Ну да. Однажды залетел к ним снегирь. Полетал и в клетку полез покушать. Его и захлопнуло. Он так перепугался, бедный, что, говорят, кричал, как резанный, до вечера.

– Да уж, голосок у него будь здоров. Я когда услышала, подумала, что на меня с потолка телега несмазанная катится.

Наташа рассмеялась.

– Да, наш Жорка не оперный певец. Поэтому на кухне и держим. А то свихнуться можно от его скрипучего верещания. Короче, когда Жорка в ловушку попался, то выпустили его. И что ж вы думаете?! На следующее утро, только крыша открылась, этот хитрец опять – раз, в теплицу залез и сразу в клетку за кормом. Только теперь уже не боялся ничуть. И с тех пор так и повадился. Утром залезет и жрет до вечера, а ночью его выгоняют. Он, паршивец, уже никуда и не улетал. Так и ждал каждый день дармовую кормежку. Растолстел так, что почти летать разучился. Короче, решили его домой забрать. Все равно он уже в природе не приживется.

– Да, молодец довольно упитан, – сказала Саша, критически оглядев снегиря.

– Это он уже похудел! Мы его на строгой диете держим, – пояснила Наташа.

– Слушай, а «Жора» – это потому что он обжора, да?

Наташа радостно хлопала в ладоши.

– Как это вы догадались? А то все думают, что его Георгием зовут. Типа, как георгин красный. Какой ты георгин?! Обжора ты несчастный, – сказала Наташа, обращаясь к снегирю, – Жорка-обжорка! Большой Жор! Не забудьте о Жоре, ужасном обжоре!

Снегирь внимательно слушал, что о нем говорили, поглядывая то одним, то другим глазом. В его умном взгляде так и читалось: «Хоть горшком зовите, только покушать почаще давайте».

Когда Глеб и Саша вышли на улицу, время уже приблизилось к вечеру.

– И как это мы так засиделись? – поразила Саша, – мы же ненадолго заскочить хотели.

– Ну, теперь-то куда? – спросил Глеб, – Есть предложения?

– Вообще-то, надо поговорить теперь со всеми одноклассниками Насти. Теми, что были у нее в больнице.

– Ты думаешь, они причастны?

– Я не знаю, Глеб. Но чем больше думаю, тем больше нитей ведет в институт. Первый свой сон Настя увидела в институте. В больнице ей стало плохо сразу после посещения друзей.

– Я не понимаю, как такое может произойти от общения с друзьями.

– Я тоже, Глеб, пока ничего не понимаю. Мы пока бредем в потемках. Я посмотрела вчера у врача результаты анализов Насти, подробно расспросила о лечении и ничего странного не заметила. Такого, чтобы обратить внимание. Настю тоже посмотрела. Ничего особенного. Разве что...

– Что?

– Ты не видел у Насти на запястье таких пятен красных? Небольшого размера, круглые.

– А-а! Врач сказал, что это может быть аллергическая реакция на что-нибудь.

– Ну что ж, возможно. Слушай, я подумала, что надо, возможно, подстраховаться.

– В смысле?

– Может, я много на себя беру, но давай ты тете позвонишь и попросишь, чтобы к Насте из друзей никого больше не допускали. И врачей тоже предупредим.

– Непросто будет это объяснить, но в принципе... Лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Вот-вот. А мы пока разбираться с этим будем.

Глеб отошел в сторону, чтобы поговорить с тетей. Когда он вернулся, он увидел, что Саша, приобняв рюкзак, мирно дремлет на скамейке.

– Эй, просыпайся. Ну так что? Пойдем друзей Настиных искать?

– Да где их искать-то? – устало сказала очнувшаяся Саша, – На телефоне у Насти пароль. Не войдешь. Институт уже закрыт. А информацию можно взять только там. И потом... Знаешь...

Саша вздохнула.

– Глеб, ночью, наверное, надо опять покараулить Настю. На всякий случай. Но если я не посплю хоть немного, я сдохну.

– И что ты предлагаешь?

– Мне надо где-нибудь отдохнуть. Какой-нибудь мотель-то в городе есть?

– Была одна гостиница в центре.

– Вроде закрылась. Алексей сказал.

– Тогда тупик. На день-другой квартиру только у алкашей каких-нибудь найти можно.

Но это стремно. А ты не хочешь к Алексею вернуться?

– Это была уже ошибка, что я там остановилась. Вторая ошибка, что я там задержалась.

А вернуться – это уже просто преступление.

– Подожди минутку.

Глеб отошел в сторону и разговаривал с кем-то минут пять.

– Все, поехали.

– Куда?

– К Лехе, конечно. Куда же еще?

– Ты что, издеваешься?

– Нет, я могу, конечно, кого-то из друзей попросить тебя приютить...

– Мне по рукам, что ли, идти?

Глеб засмеялся.

– Ладно-ладно, все равно других вариантов нет. А Леха хороший человек. Он поймет. Его руки надежнее.

Глеб подмигнул. Саша измученно посмотрела на Глеба, обреченно вздохнула, но усталость так давила на нее, что заводить сейчас беседу на морально-нравственную тематику не было сил.

Они поплелись на остановку автобуса. Минут через двадцать они уже шли по знакомой улице.

Глава 11. Разговоры

Улица с красивым названием «Болотная», как и другие улицы российских городов и сел, состояла из домов, отличающихся друг от друга по размеру, стилю и уровню аварийности. Явно просматривалась материальная разница, а также различия в понимании прекрасного.

Тут были и покосившиеся срубы со старинными отваливающимися наличниками, и подправленные ассиметричные деревянные домишки, обитые сайдингом, и самодельные домины, возведенные из пенобетона. На одном крохотном участке люди даже умудрились втиснуть двухэтажный дом на четыре квартиры. Глеб покачал головой, глядя, как этот домина нависает над скромным маленьким домиком соседей и загораживает солнце. Самыми красивыми на улице были два современных коттеджа, отделанных дорогим декоративным кирпичом. Один светло-коричневый. Другой, Алексея, темно-красный с черными пятнами в английском стиле.

Саша немного побаивалась входить во двор дома Алексея, так что Глеб даже немного подтолкнул ее вперед.

– Что, боишься? Чует кошка, чье сало съела?

– И без тебя тошно. Не дави на психику.

– Вот все вы, бабы, такие. Сначала нашкодите, а потом еще и жалеть себя заставляете.

– Ладно-ладно, психолог доморощенный.

Однако, несмотря на все опасения Саши, Алексей встретил их как ни в чем ни бывало. Или же просто не подал вида. Он стоял на кухне и жарил покупные котлеты.

– Привет! Вы ужинать будете? Я на вашу долю тоже жарю.

Саша виновато смотрела на Алексея. Ей хотелось и спать, и есть. А также хотелось убраться отсюда куда подальше. Но выбора не было.

– Может, помочь в готовке? – заискивающим тоном спросила она, – А то неловко на все готовое...

– Крокодиловы слезы, – пробурчал Глеб.

– Да нет, спасибо, – отказался Алексей, – Помощь в готовке не требуется. На стол только помогите накрыть. И давайте ужинать. У меня уже все.

Ужин в беседке проходил в мирной обстановке. Саша по большей части помалкивала, устало клюя носом над тарелкой. Алексей и Глеб весело переговаривались, стараясь обходить некие темы, которые теперь стали неловкими. Вскоре Саша поднялась, поблагодарила за ужин и отпросилась поспать.

Когда она ушла, друзья остались одни. Вечер выдался теплым, но постепенно весенняя прохлада, гнездившаяся у корней деревьев, стала расплзаться вместе с вечерними тенями, и друзья почувствовали ледяное дыхание приближающейся ночи. Тогда они перешли в дом и уселись в гостиной, взяв по бутылке пива.

– А ты молоток, Леха, – сказал Глеб, развалившийся в кресле, – такой дом отгрохал. Когда я уезжал, ты, насколько я помню, был в процессе активного поиска места для семейного гнезда.

– Да уж, побегать пришлось порядочно. Я хотел, чтобы место было тихое и спокойное, подальше от шумной дороги, но чтобы ездить на работу каждый день. Весь район частым гребешком прочесал.

– А что ты в таком замшелом месте угнездился? Ты же по своим финансам мог в коттеджном поселке что-нибудь купить.

– Да не все так просто, Глебыч. Я во время поиска уже экспертом стал по всей недвижимости поблизости. Найти не так уж легко, как казалось бы. Очень курьезные случаи были.

– Какие?

– Да ну, куча всего. Приезжаю раз по объявлению. Все мне нравится, цена адекватная, место супер, прямо мечта, а не место. Маленький новый коттеджный поселок. Дома, смотрю, хорошие строятся, все с нуля начинают. Ну, договариваюсь встретиться с собственником, а по совместительству с председателем всего этого хозяйства. Приходит такой гражданин восточной национальности с фамилией, оканчивающейся на «ян». И говорит этот жук: земля землей, но я тут все дороги, электричество и газ проводил. За дорогу, электричество и газ еще по шестьсот тысяч давай, короче, еще плюс два лимона.

– Сколько-сколько? То есть, шестьсот на три – это два лимона?

– Ну да, я вот так примерно и подумал, поразился арифметике такой, поблагодарил и уехал. Вообще, в большинстве коттеджных поселков цены задраны за обслуживание до небес. До тридцати тысяч в месяц могут доходить. Люди и судятся с управляющими компаниями, и ругаются, но... А мне, по-хорошему, ни канализация, ни водопровод центральный не нужен. Я все своими силами могу сделать. Предпочитаю независимость. И потом платить пожизненно такую сумму... Предположим, сейчас я на коне. А потом?

– Откуда такой пессимизм? Все у тебя хорошо будет.

– В этой стране никто не знает толком, что через год будет. Так что надо страховаться на все случаи.

– Ну на все случаи не застрахуешься. А соседи у тебя какие?

– Слева семья с ребенком маленьким. Люди нормальные. Дальше за ними дом, похожий на мой. Забавно – совершенно случайно один проект купили. Пока строили, все ходили друг к другу, сравнивали.

– Да, брат, молодец, уважаю, знатную хибару отстроил. Мне особенно этот холл огромный нравится.

– Ага, мне тоже. Второй свет называется. Короче, те соседи тоже такой же проект взяли. Построили, но сами не живут, сдают. Деньги у них, что ли закончились, или наоборот вложились в строительство. Короче, сейчас там парень какой-то снимает. Пару раз видел. А справа сосед не живет. Он свой участок уже сто лет продает. Земля с домом-развалюхой ему по наследству от матери достались. Он там и пальцем не ударил. Зато сразу продать попытался подороже. Я ему говорю: «Слушай, мужик, я вот этот участок купил дешевле в два раза. А у тебя на углу, и весной водой заливают». – «А у меня, – говорит, – там яблони хорошие. Целых десять штук». – «Да кому, на фиг, твои яблони корявые с яблоками кислыми нужны. Если и купят участок, то дом под снос и яблони срубят. За долги по электричеству тебя отрубили. Газа нет, участок кривой, весной вода стоит. Кому такое добро нужно? Скинь половину, я, может, и куплю, чтоб свой участок расширить».

– Ну и чего, соглашается?

– Куда там, сидит, ждет у моря погоды.

– Ну-ну, пусть сидит. А ты молодец, свил себе гнездышко что надо. Теперь самая пора дом заполнять.

– Да, пора уже, наверное, доход есть, с работой все, тьфу-тьфу-тьфу, нормально, дом построил. Теперь бы в свое удовольствие пожить.

– Мы все ловцы на золотых берегах и ловим счастье жемчужной сетью, да?

– Чего-чего?

– Да это я так, пошутил.

– А ты чего все скитаешься, шутник? Тоже пора, брат, остепениться, корни пустить, девушку завести, а лучше жену, детишек там настрогать, все такое.

– Да я и ту-то без содрогания вспомнить не могу. Не готов пока на повторное самоубийство. А ты-то сам чего?

– А я все чего-то жду, брат, ищу и не нахожу.

– Что, симпатичных девчонок вокруг мало? Идеал ищешь?

– Ну ты скажешь тоже – идеал. Но хочется, чтобы так было, чтобы земля горела и небо светилось.

– Детство какое-то, – улыбнулся Глеб, – Ты, Леха, видимо, еще не вырос.

– Мы все, Глебка, и вырастаем, и не вырастаем.

– А Саша?.. – Глеб сделал паузу.

– Что «Саша»? – Алексей помрачнел.

– Саша тебе нравится?

– Слушай, Глеб, давай начистоту. Саша меня послала прямым текстом. Мне было очень неприятно, конечно, но я это переживу. Но если ты у меня за спиной крутить с ней будешь...

– Эй, потише, потише... Не собираюсь я с ней крутить. И в мыслях не было. Дело у нас с ней есть. Насти касается.

– Что за дело такое вдруг?

– Прости, друг, не могу сказать. Вот не поверишь, рассказал бы сразу, но нельзя мне, слово дал. Но никаких у нас амурных дел не было и не будет. Слово тебе даю. Сволочью последней буду, если обману тебя. Да и уедет она скоро. И скажу тебе, что она не из тех, кто будет дома сидеть и борщ варить.

– Ты знаешь, Глебка, а мне и не надо было бы, чтоб она мне борщ варила. Я бы и сам его... Просто, вот не поверишь, как познакомился с ней, так все изменилось. Не могу словами это описать, только как будто небо стало глубже, а солнце сильнее греет.

– Ты влюбился, брат, такое бывает.

– Да, беда прямо. На кой черт я на дороге остановился?! Лучше бы мимо проехал.

– Жалеешь, что доброе дело сделал? Не надо, Леха, не жалей. Никогда не жалей, что добро сделал, даже если это добро против тебя обернется.

– Да ну? Тут я бы поспорил...

Друзья помолчали.

– Мутная она какая-то, эта Саша, – продолжил Алексей, – Откуда, куда, чем занимается – ничего не говорит. Я бы подумал, что и правда криминал за ней какой водится, но вот сердцем чувствую, что она человек очень хороший. Прямо тепло рядом с ней, а как посмотрит, так душу осветит взглядом. Никогда я такого не встречал.

– Ничего худого за ней нет, я уверен. А насчет криминала... Это вряд ли.

– А ты знаешь, что у нее вся спина поранена? И плечо. Страшные такие рваные раны от плеча до пояса.

– А ты где это увидать умудрился?

– И нечего так глумливо ухмыляться. Я мельком увидел, случайно, она об этом и не знает. Я спросил ее, а она говорит – царапина, в лесу случайно поранилась. Темнит – это точно.

– Ну не говорит, и не надо. Ее право.

– Да, хотел бы я иметь право ее спрашивать, но боюсь, что вряд ли удостоюсь этой чести.

– Не грусти, Леха, мало ли еще в жизни таких девчонок встретишь. Любая с радостью тебе на шею бросится.

– Да черт его знает. Вот хотел бы, чтоб эта бросившаяся была Сашей, но что-то не складывается. Человек полагает, а... Грустно это все, Глебыч.

– А жизнь вообще штука невеселая. И чем дальше живешь, тем грустнее становится.

Друзья замолчали. Глеб молча пил и наблюдал, как день постепенно выцветал, небо становилось сумеречным и задумчиво-вечерним. Впереди маячила вторая бессонная ночь на страже сестры.

Глава 12. Вторая ночь

После краткого отдыха Саша и Глеб снова должны были вернуться в больницу. Алексей обиженно смотрел, как они уходят, но будучи джентльменом, ничего не сказал.

Весь путь до больницы Саша душераздирающе зевала.

– Саш, – сказал Глеб, когда они приехали в больницу и остались в палате одни, – давай я первый подежурю, а ты поспишь. Потом сменимся.

– Глеб, ты золотой человек. Значит, я могу поспать?

– Можешь смело отправляться в объятия Морфея. Если в мои не хочешь.

– Не, я предпочитаю существо мифологическое. Хотя в свете последних происшествий с Настей, сон перестал мне казаться таким уж безобидным времяпрепровождением.

– О! А ты не хочешь его тоже в подозреваемые записать?

– Кого?

– Ну Морфея.

Саша вдруг застыла с подушкой в руке. Усмехавшийся Глеб с недоумением посмотрел на нее.

– Что такое?

Саша устало присела на раскладушку.

– Да знаешь, что-то мелькнуло такое в памяти, что-то я похожее слышала или где-то читала.

– Что?

Саша минуту помолчала, потом встряхнула головой.

– Черт, от перманентного недосыпа голова отказывается работать. Я напишу Лу, пусть поищет что-нибудь похожее.

– Кто поищет? Где поищет?

– Лу, моя подруга. У нас, Глеб, есть огромные архивы, где хранится информация обо всех необычных случаях. Конечно, там порой бардак полный, большая часть не каталогизирована, но собранной информации горы. Так что попрошу поискать.

Саша быстро застрочила в телефоне.

– Все, если что-то есть, она найдет.

– Она? У вас что, общество амазонок?

– Не говори глупости. Просто моя подруга хранит в памяти огромное количество знаний. А также хорошо занимается поиском информации. Все, извини, я на боковую. Ты не мог бы отвернуться, пока я раздеваюсь?

– Вот так всегда, на самом интересном месте...

– Баранкин, будь человеком.

– Ну, если ты так ставишь вопрос...

Ворча себе под нос и улыбаясь, Глеб отвернулся. Саша быстро стащила джинсы и носки, потом водолазку, взяла в руки футболку и залезла на раскладушку. Глеб повернулся на хруст раскладушки как раз в тот момент, когда Саша, сидя к нему спиной, надевала на голову футболку.

– Ничего себе шрамчики, – присвистнул Глеб.

– И кто ты после этого? Свинья, – устало пробурчала сквозь футболку Саша.

– Извини, Саш, я думал, ты уже все. Слушай, а кто это тебя так?

– Волколак, – кратко ответила Саша, натягивая футболку на спину.

– Это что еще за волколак?

Саша уже залезла под одеяло и, устраиваясь поудобней, повернулась к Глебу лицом.

– Волколак. По-другому, вулкудлак, вилктаки, оборотень, вервольф и тому подобное.

– Он же Гоша, он же Гога, он же Георгий Иванович. Да ты гонишь!

– Отнюдь, – отрезала Саша без всякого намека на улыбку.

Глеб с недоверием смотрел на нее.

– Волколаков не существует, – уже менее уверенно сказал он.

Саша хмыкнула.

– Хм, тогда мне это, наверное, приснилось.

– Сны у тебя, Саша, какие-то кошмарные.

– Что правда – то правда. Но ты знаешь, я сейчас и от самого заваливающего сна не откажусь. Даже от кошмара. Лишь бы спать. Все, у меня отбой.

– Ну вот. А я думал, ты мне сейчас какую-нибудь сказку на ночь расскажешь. А может, и правду. Как ты с этим волколаком столкнуться умудрилась.

– Я сейчас, Глеб, страшно спать хочу. Просто умираю. Так что давай тишину в эфире. Правду... я тебе как-нибудь в другой раз расскажу. Хорошо? А в смысле сказок... как-нибудь самообслужишь, что ли. Интернет тебе в помощь. Не надо меня с Оле Лукойе путать.

– Ладно, ладно, завелась. Не ворчи, спи спокойно. Приятных снов.

– Спасибо. Это актуально.

Саша повернулась лицом к стене и очень быстро заснула.

Глеб остался в одиночестве. Делать было абсолютно нечего. Заснуть он не имел права. Разложив пасьянс с десяток раз, он прискучил этим занятием. «А что это за волколак такой?» – вдруг вспомнил Глеб. «Поискать, что ли, правда, в интернете?»

После нескольких официальных страниц в Википедии Глеб обогатился знаниями о том, что, по мнению иностранцев, предки северных славян частенько практиковали культовое обращение в волков. Также там было написано, что истории о волколаках распространены по всей территории, заселенной южными, западными и северными славянами. Есть они в обилии и у многих других народов. То есть получалось, что в древности чуть ли не в каждом русском селе были свои оборотни, а колдуны вообще могли и сами становиться волками, и других превращать.

«Вот такая мирная деревенская жизнь, – подумал Глеб, – Идиллия, можно сказать. С оттенком фильма ужасов. Хорошенькое дельце: раньше вся Русь, да и не только, просто кишела этой нечистью. Если только не враки это все». В поисках более легкого чтения Глеб еще походил по ссылкам, но ничего нового не нашел. Все перепечатывали одно и то же. В конце концов, на одном библиотечном ресурсе Глеб набрел на литературную сказку малоизвестного писателя с названием «Волколак». Устроившись поудобнее в кресле и положив ноги на стул, Глеб погрузился в чтение.

Глава 13. Волколак

Давно ли, недавно ли это было. Пошел я на лыко гору драть. Увидал: на утках озеро плавает. Я срубил три палки: одну еловую, другую березовую, третью рябиновую. Бросил еловую – не добросил, бросил березовую – перебросил, бросил рябиновую – угодил. Озеро вспорхнуло, полетело, а утки остались. Это еще не сказка была, а присказка.

А вот сейчас и сказка будет. Чур мою сказку не перебивать. А кто ее перебьет, тот трех дней не проживет.

Встречались парень с девушкой. Встречались они всю весну красную, солнцем прогретую, соловьем пропетую. В роще аукались, под ивой плакучей друг дружке кланялись, а за ракитовым кустом, подальше от глаз людских, вместе сходились. Береза их сережками по лицу гладила, ластилась. Черемуха белым цветом волосы невесты осыпала.

– Будешь ли ты всегда ждать меня, суженый мой?

– Буду, краса моя ненаглядная, буду.

Любились они и все лето зеленое, закатами осененное, луной осеребренное. Землю поливал то грибной дождь, то куриный, то слепой. После теплого дождя только пьянее колыхались разморенные солнцем полевые травы. Только шелковой стелились наливные луга. Только горячей становилось дыхание девушки, когда прижимал ее, озябшую, парень к своей груди. Все овраги наполнились рдяной душистой земляникой, но ярче ягод горели щеки девушки, когда срывал с ее уст парень поцелуй.

– Будешь ли ты всегда целовать меня, жданный мой?

– Буду, любя моя, буду.

Все луга исходили, все стога пересчитали, все ромашки посрывали.

А потом пришла осень с бледными рассветами и холодами-разлучниками. Задышала ледяными туманами, зачатила дождями-кососеями. Раззявили дороги рты лужами черными, а обнаженные поля сиротливо сжались под свинцовым небом.

– Будешь ли ты верен мне, любимый мой? – шепчет девушка в понурившийся сад, но молчит студеная осень. Одна налившаяся кровью рябина в окошко стучит. Пусти, мол, в дом, не оставь дубеть на ветру.

Прошли дожди частые, и унесли осень на крыльях птицы перелетные, курлыки бродяжные. Подернулись стеклянкой дымкой лужи, а бурьян весь поседел и съезился от мороза.

А на Покрова, по первому снегу повез в церковь парень другую невесту. Весело повез, со звоном бубенцов, с песнями и заигрышами.

Цвели цветики, да поблекли, любил молодец красну девицу, да покинул.

Вспыхнуло сердце девушки и сторело. Белый свет черным пеплом заволкло. Заледенела грудь, да так, что и вздохнуть страшно: того и гляди, треснет лед и разлетятся осколки по полям заиндевшим, по лесам застывшим.

– Что, доченька, стряслось? Кто, Маринушка, маков цвет с лица твоего стер, кто слезы из глаз выгнал? Чем помочь тебе, серденько мое? Какой наряд сшить, чтоб к лицу был? Какие буски подарить, чтоб шею лебединою опоясать? Какую шубу достать, чтоб плечи бархатные укутать-унежить? Какую песню спеть, чтоб грусть-тоску разогнать?

– Нет, родимая матушка, никто мне теперь не поможет. Только саван мне к лицу придется, только земля пуховая унежит-укутает, только сон вечный тоску-боль утишит-убаюкает.

– Знаю, знаю, ясная моя ласточка, кто злодей твой, кто предатель-изменщик, что обидел дитятко мое, а сам и в ус не дует. Грех-то в мех, а грешки в мешки, да под лавку. Живет-

поживает, и ничего совесть ему не шепчет, не приговаривает. Ох, взяла бы я его, змееныша, и с живого кожу содрала, а потом в кипятке бы искупала.

Нет, не зря стояла избушка матери с дочерью на отшибе, не зря люди сторонились их и, отойдя, плевались, в лицо кланялись и помалкивали, а за спиной шептались, злобой исходили.

– Ох, опять у Федоры молока полные кадушки. Видно, ходила она росу собирать и на Юрия, и на Ивана. А у нас корова, ну ничего, ну ничегошеньки не дает. Хоть трижды подой, да все тот же удой.

– И то мой давеча прибегает. «Матрена, Матрена, гляди, там какая-то баба росу от нашего хлева собирает, не Федора ли?» А я так и чуяла, что ведьма росу у нас забирает. Выбежала я, а там уже нет никого, только где роса, там вся трава сивая, а около хлева нашего все обито уже. И не дает корова с той поры, не молоко, а вода одна голая.

– А мне Маланья говорила, что деда отправила корову сторожить. Ну, сидит он ночью в хлеве, не дает молоко воровать. А у нее сердце не на месте. Дай, думает, посмотрю, как он там. Ну, пошла. Видит: дед спит сном мертвым, колдовским, а около коровы жаба така большая, рапуха, сидит и молоко из титьки пьет. Маланья закричала, на жабу замахнулась, хотела прибить, а жаба как выскочит из хлева и ну скакать. Так, говорит, рапуха в сторону Федорина дома поскакала.

– Ох, чтоб ей, ведьме проклятой на том свете несдобровать, чтоб ее змеи в гробу грызли за то, что она молоко отбирает, детей сиротит.

Нет, не зря мать ходила и по весне, и на Ведьмина Ивана в лес по травы. До самого рассвета травы собирала, да все пришептывала, слова мудреные приговаривала.

– Гой еси земля сырая,
Ты нам матушка родная.
Всех людей ты породила
И угодем наделила,
Ради нас, своих детей,
Разных зелий наплодила.
Праведный отец Абрам
Поле поутру орал.
Симеон-Зилот ходил –
Зелья разные садил,
Илия сад поливал,
А Господь им помогал.
Небо – отец, земля – мать,
Помогите трав собрать.
Я ищу лесные травы
На болезнь и на отраву,
От коросты и червей,
Ячменя и усоей,
И от жабы от грудной,
И от боли от зубной.
Лихоманку успокоить,
Или выйти из запоя.
Чтоб уменьшить трясовицу,
Присушить красу-девицу,
Для остуды и для порчи,
Для защиты в час полночный

Или в местности глухой
Да от нечисти лихой.
Я бедучую беду
Этой травкой отведу.
Пресвятая Божья Мать,
Ты позволь мне трав нарвать.
Боже, мя ты не покинь.
И аминь. Аминь. Аминь.

Были у Федоры все стены в курной избушке травами увешаны, и к потолку веники тоже привешивала.

По леву руку трипутник, в пучки собранный, висит. Рану заживит, резь в животе успокоит, а если на Ивана под голову на ночь положить и сказать: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, топчут тебя ноги, видишь малого и старого, укажи суженого, пусть придет поужинать», то во сне он суженого и укажет.

Сон-травка, синя голова, тоже цветок непростой: если под головой держать, вещие сны насылает и от зла полночного оберегает.

А дальше плакун-травка висит. Кровавницей ее кличут, потому что кровь остановить может. Собирать ее надо на купальской заре, на самом исходе Ивана. Говорят, стонет она и ревет на рассвете, потому и кличут ее еще ревенькой.

А по праву руку совсем колдовские травы висят в мешочках.

Одолень-травка – она от боли избавит, от бессонницы спасет, девичьей красоте подмога и от веснушек-выскочек защитит. А если оберег из нее сделать, то никакая нечисть порог не перешагнет, да и скотину им можно ухранить от зла лесного. Опять же зелье любовное из него варят.

Разрыв-травка любой замок откроет, любой запор отопрет. Любят эту траву молодцы-удальцы, ночные дельцы, карманные тяглецы.

Нечуй-ветер мудрено собрать, только ведьме без него никуда: глаза отводит и невидимой делает.

Тирлич-травка помогает перекинуться в кого хочешь – в собаку ли, в кошку, в свинью, в жабу или в кого еще.

А уж сколько в сундуках чародейных трав запрятано было, одна Федора знала.

Серdito стуча чапельником и ухватом, ворчала старая себе под нос:

– Вынуть бы твой след, злыдень, и повесить в печную трубу, чтобы жгло тебя и сушило. Чтоб от ветра ты шатался, да солнца боялся. Чтобы ссох ты за семь лет и сгинул. Тьфу на тебя, проклятого. Ну да ладно, ладно, я тебе такое сроблю, что век поминать будешь, да каяться, что дочку мою горевать заставил. Не все коту Масленица, будет и Великий пост. Увидишь у меня небо с овчинку. Потычу рылом-то в кучку.

И заколдовала парня ведьма.

Поехал как-то раз он с женой молодой на телеге. Вот приехали до места, молодой коня распряг, хомут снял. А молодуха отлучилась. Парень сидит, ждет, и стали ему в голову мысли дурные лезть. Это на него колдовство так действовать начинало. «А что это, – думает, – как это конь с хомутом ходит-то? Дай-кось я тоже попробую».

Надел на себя парень хомут. Пролез через него насквозь, сгорбился, встал на четыре лапы и шерстью оброс. Словом, вышел с другой стороны волком серым. Был человек, а стал волколак. Стоит и понять ничего не может.

А тут и молодая подросла. Видит – около телеги конь стоит расседланный, а мужика нет. Один волк серый. Как увидел ее, так к земле и прижался.

– Ой, горе мне, горе! Что ж это делается, люди добрые?! Волк мужа-то приел! Ох, горе мне, несчастной, горе!

Испугался волколак, что сейчас люди придут – убьют его, да и стрекача дал. Полетел в темный лес.

Лес огромный, мрачный, на многие версты расстилается. Ели высоченные, насупившись, стоят и головами в облака упираются, друг дружку плечами толкают, росу холодную с лап хвойных отряхивают-сбрасывают. Орбел волколак, да что же ему, бедному, делать теперь прикажешь. Видно, такая недоля парню выдалась. Кому село Любово, а кому горе лютое.

Да и мало ли их, бедолаг таких, по лесам бегают, по-волчьи воет, а слезы человечьи льет. Лапы звериные по мхам ступают, а следы людские остаются.

Мало разве историй про свадьбу заколдованную? То ли не позвали на свадьбу колдуна деревенского, то ли невеста ему не поклонилась, чести не оказала. Не простил колдун чванства молодых, обратил их всех в волков. И побежали молодая с молодым, а за ними и гости полетели волками сирыми. У дружек рушники, через плечо перекинутые, в полоски шерсти белой обратились.

Так и скитаться им, горюнам, пока срок не выйдет и колдовство не сгинет, шататься по лесам темным, по топям непролазным, выть на Стожары от тоски лютой, а ночами прибегать к окнам людским, на горе свое жалиться.

Прибегал и парень под родительское окошко.

– У-у-у, у-у-у, мамо, мамо! Слышишь ли ты меня, выглянь в окошко, родная, посмотри, как Тараска твой несчастный под луною воет. Когда же срок мне выйдет вновь в человека оборотиться? Все пальцы в кровь сточил, по камням да по кочкам прыгая. Не могу я, мамо, мясо сырое есть, опротивело мне, а деваться некуда. По которой реке плыть, ту и воду пить. Да и не так просто добычу мне достать. Скотина вся обереженная, заговоренная от нечисти лесной. Увижу я, бывало, бычка с коровой, только подбегу, а это не корова, а стог и стожок стоят. Увижу ли на другом берегу реки стадо овец, переберусь, а там не овцы, а камни серые по лугу раскиданы. И так мне, мамо, тошно, так мне тошно становится. Такая у меня злость черная в сердце поднимается, что так бы прямо весь белый свет и разорвал по кусочкам, звезды бы ясные все погрыз, а косточки повыплювывал бы. Ох, лихо мне, мамо, лихо! Изнылась душа моя, извылась, исстрадалась. За что же мне, бедному, горе такое?! То ли покуту мне какую избывать приходится, то ли грех родительский на мне лежит, что зачали вы меня, горюна, в пост, али в какой пресветлый праздник. За что же, Боже, страдать мне приходится?!

Да что ж выть-то напрасно? Жалью моря не переедешь, века не изживешь. Соберутся волколаки на поляне лесной, там, где папора на Купалу огневыми лепестками цветет-рассыпается, в кружок сядут и давай друг дружке про судьбу свою рассказывать, душу изливать.

– Женился я, братья, – рассказывает один волколак, – и пошел жить в дом к жене. А у нее батька старый был. И страшный такой: руки, как коряги, до колен свисают, и рот от уха до уха. А посмотрит иногда так, что от страха чуть язык свой не проглотишь. И стал я замечать, что тесть по ночам пропадает куда-то. Утром придет и до вечера есть не хочет. Я у жены спрашивал, а она на меня шикала только: «Молчи, дурень, о чем не понимаешь. Не твоего ума это дело. Сиди да помалкивай».

Не стало у меня мочи терпеть. Дай, думаю, разузнаю, в чем дело. Сделал я вид, что в ночное пошел, а сам за тестем следить стал. Вот, вижу я, ровно в полночь пошел он к лесу. Пришел на опушку и воткнул в землю три ножа. Перепрыгнул через один, через другой, через третий и стал волколаком. Превратился в волка и в лес убежал. Подумал я, подумал, тоже через ножи эти перепрыгнул и тоже волком стал. Побежал я за тестем. Вот, вижу я: собрался тесть мой и

другие волколаки около дороги лесной и сидят там. Много их там собралось. Смотрю – едут по дороге подводы с людьми. Одну подводу волколаки пропустили, вторую тоже пропустили. А на третью набросились скопом и разорвали. И кобылу съели, и людей тоже.

Испугался я тут, назад бросился к поляне лесной, перепрыгнул через три ножа и снова человеком сделался. Прибежал я домой ни жив, ни мертв. Жена спрашивает, что, мол, стряслось, а я молчу, отнекиваюсь, сказать ничего не могу. Язык за порогом оставил.

Вот под утро батька тоже воротился домой, ничего не говоря, спать завалился.

А вскоре соседка прибежала. «Ох, слышали, что ночью-то случилось? Поехали наши мужики на мельницу муку молотить. Затемно выехали, чтобы на заре приехать. Петр да Михайло первые поехали. Жены их проводили, перекрестили, как положено, в путь-дорогу благословили, вот они и доехали до места как ни в чем ни бывало. А Осип-то пьяный был. Жена его не пускала пьяного на мельницу, ругать стала, отговаривать, да он ее не слушал. Осерчала жинка, да и говорит: «Езжай на свою чертову мельницу, чтоб тебя там черти смололи, глаз б мои тебя не видели». Ну, его, не благословленного, в лесу волки-то и загрызли с кобылой и работником вместе». Услышал я это, аж побелел весь. Так у меня сердце петухом и запело.

Вот сели мы вечерять, а теща борщ сварила, да посолить забыла. Стал тесть борщ есть, да поморщился. Что ж, ты, дескать, посолить-то забыла? Не выдержал я и говорю: «Ты кобылу-то съел, а она несолена была!» Батька на меня покосился злобно, головой покрутил, да говорить не стал ничего.

Вот, в другой раз собирается тесть в лес, а я за ним опять. Опять пришел он на ту поляну, воткнул ножи в землю и превратился в волка. И в лес побег. А я тоже в волколака оборотился и тоже в лес побежал. Побегал-побегал, тестя не нашел и обратно собрался. Прибегаю на поляну и вижу: два ножа воткнуты, а третьего нема. Ну, да что мне делать-то? Стал я через ножи прыгать, прыгаю-прыгаю, а в человека назад оборотиться не могу.

А тут из кустов тесть выходит, в человеческом обличии, а в руках нож третий держит. «Что, – говорит, – зятек, не можешь назад человеком стать? А нечего было за мной рыскать, следить по ночам! Коли быть собаке битой, найдется и палка. Поделом тебе. Вот и бегай, сукин сын, куда все пальцы на руках не собьешь». Так и стал я волколаком.

– А нас, – рассказывает другой волколак, – было у батьки трое сыновей. Умерла мамка, а батька на другой женился. Такая змея подколодная попалась, такая ведьма злющая. Невзлюбила мачеха нас и решила со света извести. Вот приготовила она как-то раз пироги черемуховые. «Поешьте, детки», – говорит. Съели мы их, а пироги наговоренные были. Мы все трое братьев в волколаков-то и перекинулись. Хватили шилом патоки: сладко схватили, да горько слизнули.

Братья растерялись и в овин забились. А мачеха как закричит: «Волки, волки в овине! Бейте их!» Ну, народ набежал с дубьем и забил братьев до смерти. Так и пропали ни за грош.

А я сильно спужался, к соседу забежал, да под лавку забился. Сосед входит с вилами. Подумал я, что смерть моя пришла, слезы у меня потекли, взял я да перекрестился, лапой-то. Сосед увидел, вилы выронил и говорит: «Так ты волколак, стало быть. Ну, беги, покамест не пришибли тебя, милый, и назад не вертайся!» И стал я бегать по лесу.

Сильно отец по нас убивался. Он-то думал, что пропали мы, сгинули где-то. И бабушка наша тоже плакала. Надоумили ее люди добрые. Ты, говорят, если внуков хочешь найти, то так сделай. Испеки хлеб обыденный – за один день испеченный. В полночь выйди с хлебом на порог и зови внуков по имени. Три раза покличешь, и придут они к тебе, откуда хочешь, вернутся.

Вот испекла бабушка хлеб, на порог в ночи вышла и стала звать. Услышал я ее зов и побежал к бабушке родной. А она, старушка, как увидела, что я, зверь страшный, через забор к ней перескочил, так со страху тут же на месте и Богу душу отдала. Так вот и убил я бабушку родную свою. Грех на душу взял. В землю б лег да укрылся, только б этого не видать. Не хочу

больше возвращаться в дом родной. Буду в лесу обретаться. Живи, коли можется, помирай, коли хочется.

– А я тоже за любопытство свое поплатился, – рассказывает третий волколак. – Всякой сороке от своего языка морока. Каждая река своим устьем в море впадает.

Жил рядом сосед. Люди про него говорили, что ведьмарь он. Поссорился он с отцом моим. И стала у нас скотина пропадать. То быка волки задерут, то овечку, то козу. Что ни день, то новая пропажа. Ну что ты будешь делать?! Увидел я раз, что сосед по вечерней поре куда-то за дом сховался. Дай, думаю, посмотрю, что он там делает.

А он взял пять колышков, в землю вбил и через них прыгать стал. Через один прыгнул – и ноги шерстью покрылись, через другой прыгнул – до половины оброс, ну и так далее. Через последний перепрыгнул и весь волколаком стал. А потом побежал в наше стадо скотину резать. «Ах, ты, думаю, такой-сякой, немазанный, так это ты всю скотину нашу поизвел. Ну, ладно, отольются кошке мышкены слезы». Взял, да и убрал один колышек.

Вот вернулся сосед и хочет назад перекинуться. Через четыре колышка перескочил, а пятого не хватает. У волколака-то хвост и остался. Убежал он со стыда домой, ветошью какой-то укрылся и на печку спрятался.

Утром приходит его сын и отца завтракать зовет. А тот отнекивается. Сын тряпку сдернул и увидел, что у отца хвост-то волчий. Ну, позору на всю деревню. Больше не стала скотина в деревне пропадать.

Сын ведьмаря этого ко мне приходил, по-хорошему упрасивал колышек-то тот отдать. Я его отдал, только все равно не получилось у него хвост убрать. Так с хвостом и остался. Поделом вору и мука.

Вот через некоторое время приходит этот ведьмарь ко мне, как будто, помириться. И горилку с собой принес. А в доме, кроме нас, никого не было. Вот, сели мы с ним. Ну, я с дуру-то и согласился выпить с ним мировую. Черт ли меня нес на дырявый-то мост. Я только горилку выпил, тут этот ведьмарь меня ка-а-ак хлестнет прутиком. Я в волколака-то и оборотился. Ну, и тоже в лес побежал. Куда же мне еще деваться-то было? Так и отомстил мне колдун проклятый. Да что ж теперь-то. Сам сглупил. Летела-летела муха горюха, да попала мизгирю в сети.

Так и сидят, сердечные, свои истории рассказывают и думают, как же им от проклятия избавиться, чем же беде своей пособить.

– Говорят, вот, что надо, мол, чтобы корова тебя на рога взяла. Перекувырнешься, дескать, и человеком опять станешь.

– Ага, иди сам корове на рога, раз смелый такой.

– А то еще говорят, что надо, чтобы палкой побиили, тогда тоже шкура слезет.

– Смотри, как бы вместе со шкурой душу Богу не отдать. Это ведь не каждый знает, какой палкой, сколько раз и как бить. Это только знающие люди могут. Поди найди такого. Туда-то дорога широка, да оттоле узка.

– А вот Осип смог опять человеком стать. Заколдовала его теща. Чегой-то она зятя не взлюбила. Пошли они куда-то, а теща ему пояс предлагает. Возьми, мол, опояшься. Ну, он опоясался и в волколака превратился. Стал с волками бегать. Скотину начал из деревни таскать и в стаю носить. И решил он однажды в знакомый дом залезть и овцу украсть. Туда-то легко пробрался, через забор перескочил, а обратно закавыка вышла. Нелегко ведь с овцой в зубах перелезть. Он напрягся и перескочил, только там сучок был, и он за сучок опояской той зацепился. Дернулся изо всех сил – пояс-то и порвался. А он в человека превратился. Весь в лохмотьях. Та одежда, которая на нем была, уже истлела вся. Он полуголый скорей в дом к родителям своим побежал. Стучится: «Отоприте скорей, замерзаю». Пора-то морозная была. Ну, те отперли. А там сын их на пороге стоит, весь от мороза посинел. Приняли его, одели, отогрели. Он отцу-то и говорит: я, мол, друзьям своим в лесу обещался овцу снести. Отец:

ничего, давай, сынок, раз обещался. Вот он овцу-то из отцовского дома взял и в лес пошел. Принес овцу и оставил. Кушайте, мол, на здоровье.

– Да, повезло Осипу. Кому полтина, а кому ни алтына. Наше счастье – дождь да ненастье.

– А я еще вот слышал, что надо, чтоб через тебя вилы перекинули. Если перекинут, то вернешь себе человеческий облик.

– Это, если человек поймет, догадается. А то вон побежали мы давеча с Митрием к пастухам. Так хлебца захотелось человеческого, что и словом не вымолвить. Прибежали мы, легли поодаль, так, чтобы пастухам видать было. А сами ничего не делаем – только лежим и смотрим. Думаем: вдруг догадаются, хлебца кинут. Да пастухи дурни, не поняли ничего, за батоги схватились. Ну и пришлось нам улепетывать.

– Да, тут везение нужно. Видел во сне кисель, да ложки не было, лег спать с ложкой, да киселя не видел.

– А Миколу тоже вот повезло. Набрел раз вот на такого шибко знающего человека. Он на опушке леса пахал плугом. И унюхал Микола, что у человека того в кустах торба с хлебом и салом припрятана. А он уж почитай три года по лесам в обличье волчьем мотался. И захотелось ему этой еды стащить. А человек тот знающий Миколу заприметил и зовет его: «Волколака, не бойся, поди ко мне». Микола и подошел. Тот ему и говорит: «Я могу тебя обратно в человека претворить. Если хочешь, то поезжай со мной домой». Микола в телегу того знающего человека забрался и спрятался под сено. Собаки в деревне, как почуяли волчий запах, то забрехали. А человек тот – ничего. Домой Миколу привез, покормил едой человеческой и говорит: «Волколака, схоронись поди под печь и переночуй там, не высывайся». А наутро пошел человек этот в лес, вырезал два хлыста из какого-то особого дерева, прочитал слова какие-то над Миколой и хлыстом одним его ударил три раза. Шкура-то с него и соскочила. Только на пяточках чуть-чуть шерсти осталось. А человек этот знающий и спрашивает: «А как же ты, мил человек, волколаком-то стать сподобился?» А Микола и рассказывает: «Послала меня раз теща в амбар за мукой. Иду я по тропинке, а на ней снопик маленький лежит, такой небольшой снопик, аккуратно перевязанный. Ну, я через него и перескочил. А как перескочил, то тут же волколаком и сделался». А человек тот говорит: «Это тебя теща заколдовала волколаком. Так бы ты и бегал до смерти, если бы со мной не повстречался. Ладно, ничего, мы ей отомстим. Каково винцо, таково и заздравьецо. Возьми вот этот хлыст и иди домой. Как придешь домой, то теща тебя встречать бросится, ластиться будет, угощать. А ты ей ничего не говори и не бери ничего, а хлыстом бей два раза». И слова наговорные ему сказал. Микола так и сделал. Взял хлыст, одежду какую-то набросил на себя и домой пошел. А в избе одна теща была, блины пекла. Как увидела зятя, так сразу к нему бросилась, ласковая такая, блины стала уговаривать отведать. А тот ни слова не говоря, взял хлыст и тещу вытянул поперек спины разок-другой. Сделал так, и она вдруг кобылой стала. Взял ее Микола и в хлев отвел. А вскоре жена прибегает. Руками всплеснула: «Где же ты был три года? Я уж и не чаяла тебя живым увидеть» – «А я на стороне служил три года. За работу свою кобылу получил – вон в хлеву стоит».

– Да, свезло Миколу. А нам, видно, ждать, пока срок наш колдовства закончится, и сами мы в людей превратимся. Петушиным гребнем-то головы не расчешешь. Может, так до смерти нам и бегать по лесам-болотам.

– Твоя правда, брат, нет нам счастья. Пресвятая Богородица, отчего рыба не ловится? – Либо невод худ, либо нет ее тут.

Ну вот. Долго ли бегал молодец по лесу, неизвестно, может, год, может, два, а может, и поболее, только вконец он измучился. И бегать, может, ему волком до скончания века, да прихварывать стала ведьма. И у ней, видать, срок отмерянный к концу подошел.

Стала Федора помирать. Помирает-помирает, а умереть никак не может. Лежит, мучается, то по-собачьи залает, то по-сорочьи застрекочет, то бредить и стонать начнет. А то еще как засмеется, да так страшно, что дочь в слезах из избы вон выбегала.

Ну не идет из нее дух нечистый, и все тут. Уж родные и крыши часть разобрали, и хомут ей на голову клали, и к стене ее отвернули, а не помирает и все.

– Родимая моя, тяжело тебе? Как мне пособить, помочь? Нету силушки уже боле на твои страдания смотреть.

– Не надо, Маринушка, сердца рвать. Не твоя это вина, что мучаюсь я. Сила колдовская не даром дается. Тяжко платить за нее надо. Владел батяка мой силой энтот волшебной. Три года мучился, помереть не мог. Иссохся весь, исстрадался. Не выдержал, в конце концов, и говорит: «Не могу больше, доча. Выручи меня, возьми силу от меня. Не отпускает иначе нечистая сила. Дай мне, милая, свой мизинчик». Согласилась я, батюшку пожалела и дала ему мизинный пальчик. Он его схватил, как стальным обручем, сжал и умер. А мне его сила передалась.

И стала меня тоже нечистая сила мучить. Иной раз за ночь по три рубашки меняла, вся мокрая была. Мучает меня нечисть и заставляет зло людям делать. Не выдержу я, побегу в чем мать родила в лес и прильну к дубу, али к другому какому дереву. Нашепчу на него, поколдую, глянь, на другой день оно и посохнет. А если людям или скотине нашептать, то померли бы они. Да не могу я зла людям напрасно робить.

Дальше – пуще. Вышла замуж я. За любимого пошла, с радостью. Хоть и не пускали его родители, потому что нехорошее про семью нашу поговаривали. Да не стал Никифор слушать их, против воли отцовской женился на мне и в дом ко мне пришел. Счастливо мы жили, любила я его, двух детей от него прижила: сыночка старшего, Ванечку, и тебя, ягодку красную.

Люди ко мне приходили, я им советы разные давала и шептала на болезни разные. Только нечистая сила платы за силу требовала. То бычка ей отдай, то коня, а потом сыночка стали просить. Год я от них отбивалась, пока мужа любимого заморить не пригрозили. Ох, страдала я, молилась, никак не решалась Ванечку своего в жертву принести. Да вынудила меня сила нечистая.

Слезами я кровавыми умывалась, когда дитятку своего родного утром в лес собирала-обряжала. «Пойди, – говорю, – милый, в лес, собери малинки матушке да батюшке». Перекрестила и в лес отправила. А сама замертво на лавку повалилась. Знала уж, не придет он назад. Так и случилось: не вернулся сынок мой. Нашли его на другой день в лесу задушенным. Забрала нечистая сила душу его ангельскую, а тело оставила.

Как тело Ванечки моего бедного из леса везли, так буря такая была, что аж деревья гнуло до долу, стволы толстенные ломало. А как поминки дома справляли, так есть никто не мог – сила нечистая ложки из рук вырывала. И не стала я уж стол ставить ни на девятый день, ни на сороковину.

Приду я, бывало, на могилку сыночка моего ненаглядного и плачу, катаюсь по земле. «Прости меня, грешницу, сыночек. Прости за то, что сгубила тебя сила нечистая за грехи матери твоей да за силу колдовскую, батюшкой покойным переданную». На Пасху люди добрые на могилки кладут яички, кулич или другую какую снедь. Я тоже положу, бывало, а на другой день вместо них лежат желуди да угли. Нечистая сила свое кладет.

Долго я по Ванечке тосковала, простить себя не могла. И отец твой тоже убивался. Видуто не показывал, но видела я: гложет его, как змея, боль-тоска, не может он сыночка любимого забыть. Никогда в глаза мне ничего не говорил, а держал ли на меня обиду какую на сердце – не знаю. Хотелось мне перед ним повиниться-покаяться, да боялась. Проклянет он меня, думала, возненавидит. Только не стало его через несколько лет после этого. Заболел как-то зимой, застудился, да вскоре и в землю ушел. И не смогла я его, сокола ясного, спасти-выходить.

Одна ты у меня, девонька, осталась. Одна радость моя, одна утеха. Все бы, кажется, для тебя сделала, все бы на свете для тебя достала. Чтоб только ты счастлива была, рыбонька моя. Прости меня, донюшко.

– Мамочка, милая, да за что же прощать мне тебя, голубушку мою сизокрылую? Разве что за ночи бессонные, что у моей колыбели провела-промучилась? За песни звонкие, какими меня баюкала-веселила? Разве за ленты яркие, что в косы вплетала? За красивый сарафан, что мне на базаре покупала? Разве за ласку твою, за любовь беззаветную?

– Спасибо, дитятко. Одна ты мне в утешение дана, звездочка моя ясная.

– Как отплачу я тебе, родная моя, за все, что ты для меня сделала? Может, взять у тебя силу твою могучую, боль твою, страдание?

– Ни-ни, деточка. Горе в силе этой, зло лютое. Не хочу я, милая, чтобы ты так же, как я, на свете мучилась. Если забудусь я от боли и буду просить тебя взять что-нибудь из рук моих – не бери, будет там сила моя колдовская бессонная. Не соглашайся ни на какие уговоры, не видать счастья от силы этой, одно горюшко.

– Хорошо, милая, остерегусь я брать у тебя из рук подарение, не хочу я быть знающей.

– А еще я хочу повиниться перед тобой, детка. Тараску-то твоего я заколдовала.

– Матушка, что ты с ним сделала? Со свету ли сжила, али в дерево обратила, в камень горюч?

– Нет, милая, не хотела я губить этого разбойника, а только проучила маленько. Стал Тараска-изменщик волколаком. Заколдовала я его на семь лет.

– То-то мне голос его давеча мерещился. Волк выл за деревней, а мне мститесь, что Тараска жалобно плачет. Это он был, верно?

– Да, прибегает иногда бездельник к родительскому дому и воеет-жалобится.

– Мамо, мамо! Не сердись на беспутного и верни облик ему человеческий.

– Али простила ты его, обманщика?

– Простить, может, и не простила, но зло не хочу в душе держать. Жила боль на сердце, жила да и пережила. Скончалась. И любовь тоже перемоглась.

– Ну, ежели хочешь простить его, то позови Тараску ко мне. Шепну я ему, как в человека обратиться.

– Спасибо, матушка.

Встала Маринка на утренней зорьке, Богу помолилась и пошла в поле росу собирать.

– Встану я, раба Божья Марина, поутру раненько, обуюся гладенько, умоюся беленько. Пойду я, раба Божья, из избы дверьми, благословясь, из двора в ворота, перекрестясь, да под утреннюю зорю, к Морю-Океану. На Океане-Море на острове Буяне лежит Алатырь-камень. На Алатыре-камне стоит соборна церковь, в той церкви соборной стоит престол, а за престолом стоит Святой Егорий...

Собрала Марина росы в плошку и домой вернулась. Замесила ржаное тесто на росе и в дежне оставила.

– ... Стоит за престолом Святой Егорий. Приду я, помолюсь, Святому Егорию поклонюсь и скажу: «Гой ты еси, Святой Егорий, ты всем волкам заступник-помощник, всем серым воевода-начальник. Ты на бела коня садись, в руки копье серебряно бери и в лес скачи. Скачи в лес густой, там на поляне пустой, где овца не блеет, корова не пасется, девушки хоровод не водят, сидит волк сирый, Богом обиженный»...

Достала Марина из загнетки уголек, печку растопила. А как подошло тесто, стала Марина хлеб лепить, хлеб лепить-украшать, приговаривать:

– ... «Ты пойдь, Святой Егорий, к сирому волку, рабу Тарасу, приведи его пред мои ясны очи». Сел Святой Егорий на коня верхом, взял в руки копье серебряно и в лес поскакал. Поска-

кал Святой Егорий по чистым полям да по шелковым травам, по пням, по изгородям да по гнилым колодам, увидел на поляне волка сирого, Божьего раба Тараса...

Как стопилась печь, вычистила Марина печь, водой побрызгала и поставила в печь хлеб ржаной.

– ...Прискакал Святой Егорий на поляну. А на поляне волк сидит, на луну воет. И сказал Святой Егорий волку, рабу Тарасу: «Ты пойдешь, волк, в деревню к Маринкину дому. Ты явись, волк, перед ее ясны очи». И пошел волк, и побежал волк к дому Маринкину. Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй меня. Аминь.

Испекла Марина хлеб обыденный, положила его на рушник чистый и вышла в полночь на порог из дома. Звезды ясные светят, и далеко-далеко все видно. Кликать стала Марина.

– Где ты, Тарас Лукич? Отзовись!

Трижды прокричала Марина в ночь глухую, светло-звездную, и выскочило из темноты перед нею чудище лесное. Глаза злобно горят, зубами щелкает, того и гляди загрызет девицу красную.

Не испугалась Марина гостя полночного, в пояс ему поклонилась.

– Здравствуй, друг мой, Тарасушка. Вон как свидеться нам пришлось. Звала тебя к себе матушка моя. Умирает матушка, а перед смертью хочет тебе шепнуть-намекнуть, как от беды своей избавиться.

Поклонился ей в ответ волколак, понурил голову и прошел вслед за девушкой в избу.

В избе под иконами лежит Федора, ни жива – ни мертва. Пальцы дулей завернуты, чтобы смерти от ворот поворот был.

Подошел волколак к Федоре, поклонился низко-низко, руку ей лизнул робко и глаза потушил. Стыдно ему, охальнику, перед Федорой и Мариной.

Сурово взглянула Федора на него.

– Что, Тарас, набегался по лесам-весям? Сладко ли тебе? Палка-то нема, да дает ума. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.

Еще ниже склонился Тарас.

– Ну да ладно. Не все таской, ино и лаской. Ради Марины, ради дочкиной просьбы, прошу тебя, ослабжу, хоть и не заслуживаешь ты этого. Поди ты, Тарас, в лес. Найди там в лощине, ольхой заросшей, поляну. На поляне той три камня увидишь и березу, мхом изъеденную. Береза до земли наклонилась, в дугу согнулась. Вот как пробежишь ты три раза под березой этой, так и сделаешься снова человеком. А не то ходить тебе волколаком до семи лет.

Поклонился Федоре Тарас, еще раз лизнул ей руку, хвостом пол подмел, мордой у ноги Марины потерся и из избы выбежал.

Побежал Тарас к родному дому, к окну прокрался и смотрит. Видит, играет его жена молодая с ребятенком маленьким. Ребяенок смеется-заливается. Смотрит Тарас и умом понимает, что это сын его, кровинушка родная. А сердцем темным чувствует: так бы и сожрал-разорвал и ребятенка этого, и жену молодую. Ребяенок взглянул в окно, увидел глаза горящие нечисти лесной, испугался и заплакал. Встрепенулась жена молодая, кинулась к окошку, да там уже нет никого, одна ночь за окном качается.

«Нет, нельзя мне, разбойнику, пока возвращаться, – думает Тарас и в лес бежит, – Нельзя к людям идти, пока не избуду злобы из сердца волчьего, пока не разменяю душу волколака на человеческую душу. А вдруг не получится?» Застыл Тарас. Страх в сердце заворочился. Встряхнулся Тарас, слезу с глаз волчьих смахнул и дальше в лес побежал поляну колдовскую искать-выведывать.

Как подкатила ночка звездная да к ранней зорьке, стала кончаться ведьма старая. Собралась родня, в избу набилась. Мучится Федора, никак Бог у нее душу вынуть не хочет. За окном буря разразилась, гром гремит, березы качает.

– Да дайте ж вы ей в руки что-нибудь, что ж она смерти-то дулю кажет?

Дали в руки Федоре веретенце. Она дули-то разжала и веретенце схватила. Как схватила, тут же и кончилась.

Упало веретенце и под лавку закатилось.

Рухнула тут Марина на тело матери своей, в горе забилась.

– Ох, на что ж ты покинула меня, горюху несчастную, матушка. Оставила ты меня на черный день да на тоску вечную.

И гремела гроза весь день и всю ночь, пока отпевали и хоронили старую ведьму. А как вернулась Марина домой, села в осиротевшей избе, так и заприметила веретеньшко. Подняла его и взяла в руки. И обожгло ей руки, как углем из печи. Обожгло и погасло.

А Тарас... Тарас так и бегаёт по темному лесу, поляну ищет. Как найдет поляну, по приметам сходную, так давай скакать-бегать под березами. Да, видно, все не то. Никак в человека не обратится. Так, видать, и бегать парню до семи лет волколаком бездомным. Вот и вся история. Сказка вся, больше сказывать нельзя.

Летит пуля, жужжит. Я вбок – она за мной, я в другой – она за мной. Я упал в куст – она меня по лбу хруст! Я цап ее рукой – а это жук большой!

Глава 14. Опять институт

Глеб разбудил Сашу ближе к рассвету и тут же завалился спать. «Система не просыхающих простыней», – успел он подумать и тут же отрубился.

Сон его был беспокойным. Во сне кто-то тянул к подушке Глеба мохнатые лапы, причем почему-то с зажатым в них мобильным, потом ему пришлось долго во сне объяснять бестолковому волколаку, как пройти до ближайшей поляны с березой, минуя пост ГИБДД и платную тропинку в лесу. А в конце разнообразных приключений Глеба странный лес вдруг превратился в спортивный зал, утыканный ножами и колышками. Поминутно замирая от страха быть заколдованным, Глеб, как сталкер, стал пробираться к выходу, а когда добрался до дверей, вдруг заметил, что за ним волочится по полу то ли волчий хвост, то ли грязная тряпка. Облившись потом, Глеб дернулся и проснулся.

«Ох уж эти сказочки, ох уж эти сказочники», – страдальчески пожаловался Глеб самому себе голосом Станислава Сададьского и открыл глаза.

Сидящая в кресле по-турецки Саша бодро улыбнулась Глебу.

– С добрым утром!

Глеб взглянул в окно и зажмурился. Небо, чистое, пронизанное солнечными лучами, слепило и оглушало. Несмотря на разбитое состояние и недостаток сна, настроение Глеба тоже невольно улучшилось. Даже Настя показалась Глебу порозовевшей и более свежей, чем вчера.

Как и раньше, Саша поспешно скрылась до появления матери Насти, а Глеб остался для сдачи поста. Однако вскоре они снова воссоединились в кафетерии.

– Ну и куда сейчас? В институт? – спросил Глеб, глядя, как Саша с аппетитом ест вторую булочку.

– Да, я хотела бы поговорить с друзьями Насти – с теми, кто приходил в больницу.

– Почему?

– Потому что Насте стало плохо после того, как ее навестили одноклассники.

– А-а. Ну ладно. А Наташку ты больше не подозреваешь?

– Наташа – очень милая девочка, – сказала Саша, но больше ничего не добавила.

Глеб ожидал, что она что-нибудь еще скажет, но Саша молча пила кофе.

– Слушай, – сказала вдруг она, – Я подумала, что вдвоем нам не стоит ехать в институт и приставать с вопросами. У меня еще есть дохленькая причина для расспросов, а у тебя...

– Не понял. Меня в отставку что ли?

– Да не в отставку, – объяснила Саша, – Просто к ребятам я одна пойду. Потом перескажу тебе самое главное. Могу записать разговоры с ними на диктофон. Ты потом послушаешь. Если мне не доверяешь, – она с прищуром взглянула на Глеба.

– Да доверяю я тебе, доверяю, – махнул рукой Глеб, – А мне-то что делать прикажешь в это время?

– Если честно, тебе тоже есть дело.

– Ну?

– Ты же вроде с главврачом близко знаком?

– Предположим.

– Есть у меня подозрение, что случай с Настей не первый. Но никто мне вот так просто не расскажет ничего. А ты можешь разузнать, понимаешь, осторожненько?

– Понимаю. Надо узнать, были ли аналогичные случаи, сколько, когда и все такое.

– Ты просто умница, – Саша улыбнулась Глебу, – Джем будешь доедать?

И не дожидаясь его разрешения, Саша протянула руку к джему Глеба и намазала себе на хлеб. Глеб только возмущенно покрутил головой, но ничего говорить не стал.

Саша еще в первый раз, когда была в институте, сфотографировала расписание Настиной группы. Сейчас у ребят был перерыв между парами. Саша увидела, что несколько парней и девушек, отделившись от остальных студентов, сидят в сквере рядом с институтом. Среди них она увидела Вику. Не колеблясь, Саша направилась к ним.

Ребята сидели, забравшись с ногами на скамейку. Увидев приближающуюся к ним девушку, все замолчали.

– О! Здравствуйте! – удивилась Вика, – А вы ко мне?

– Добрый день! – Саша поздоровалась и услышала в ответ приветствия, разные по степени теплоты и энтузиазма, – Какие вы молодцы, что Настю в больнице навестили! Уважаю за такую инициативу! Кто же такой догадливый был?

Слегка полненькая симпатичная девушка с копной рыжих кудрявых волос пожала плечами.

– Да вот Вика позавчера сказала, что с Настей случилось, и мы решили тут же после занятий пойти ее навестить. Бедная Настя!

– Молодцы, молодцы! Друзей надо поддерживать.

– А вы что-то хотели меня спросить? – увидев, что Саша кивнула, Вика спрыгнула со скамейки и отошла с ней в сторону. Ее друзья остались на скамейке, перешептываясь и поглядывая время от времени в сторону Саши и Вики.

– Так и не удалось вам показания у Насти взять? – спросила с сочувствием Вика.

– Да в том-то все и дело, – с досадой сказала Саша, – А мне так важны были ее показания. На них, можно сказать, вся защитная сторона держится. И надо же какое совпадение – свидетель в коме. Если это, конечно, совпадение, – добавила она, понизив голос.

– Что вы хотите этим сказать? – шепотом спросила Вика, и ее глаза округлились.

Саша оглянулась по сторонам, как будто боясь, что ее кто-нибудь услышит.

– Да странно это, понимаешь? Важный свидетель и вдруг теперь не в состоянии давать показания. Подозрительно это. Тем более с противной стороны очень и очень влиятельный человек стоит. И очень богатый.

– Так вы что думаете – Настю того... – Вика зажала рот рукой.

– Не знаю я, что и думать. Только я боюсь, что дело может худший оборот принять. Надо будет за Настей теперь постоянно приглядывать. Ты, когда в больнице была, никого подозрительного не видела?

– Да нет, – неуверенно сказала испуганная Вика.

– Ага. А друзья твои?

– Не знаю...

– Может, они смогут вспомнить. Надо с ними тоже будет поговорить, наверное. Кто Настю навещал?

Вика стала вспоминать.

– Я пришла, Рыжик тоже. Из ребят Слон приехал и Лексус.

– Лексус? – улыбнулась Саша, – Это который?

– А вот тот в голубой ветровке, – Вика кивнула на светловолосого паренька, которого Саша видела раньше в институте.

– А почему Лексус? – спросила с улыбкой Саша.

– Ну, – пояснила Вика, – Он весь такой чистенький, ухоженный, всегда в рубашечках отутюженных и о-о-очень дорогой. Ну просто о-о-о-очень дорогой.

– И в чьей же собственности находится сей люксовый продукт юношепрома? – поинтересовалась Саша.

– Да ни в чьей, – со вздохом сказала Вика, – Он на такую бедноту, как я или Настя, даже не смотрит. Я уж не говорю о девчонках из общаги. У нас в группе каждая к нему подходит

делала. «Ах, Лексусик, миленький, ты в клуб пойдешь? А в субботу что делаешь?» Только напрасно все это.

– Что, так-таки ни на кого не запал?

Вика покачала головой.

– Не-а. Тусоваться со всеми тусуется, воспитанный такой, предупредительный, но больше ни-ни. А девчонки по нему, конечно, сохнут.

– Понятно. Облом, однако. Но не отчаивайтесь, у вас еще три года впереди. Шанс есть.

Вика улыбнулась.

– А с Ритой Настя дружит? – спросила Саша, покосившись на рыженькую девчонку, что-то весело рассказывающую друзьям, – Рыжик – это ведь Рита, да?

Вика кивнула головой.

– Ну как «дружит»? Мы все в группе дружим. Вражды между Настеной и Рыжиком нет. Но и особой любви тоже.

– А что так?

– Да Ритке показалось, что Настя на Слона, то есть Ромку, глаз положила.

– А она положила?

– Да ерунда все. Может, так, покочетничала с ним маленько.

– Разумеется, надо же себя в форме держать. Все дело в ежедневной тренировке.

Саша и Вика захихикали, совсем как подружки-школьницы.

– И что, поссорились в итоге Настя и Рита? Махач-то был?

– Да ну, какой махач?! Просто Рыжик иногда Настю подкалывала, язвила, а так все нормально. Они вроде бы даже замирились перед Новым годом.

– Так кому в итоге Роман достался? Боюсь даже спрашивать, почему он «Слон».

Вика снова засмеялась.

– Ромка пока бесхозный. Вроде. Ритка на него вешается, ну и он вроде бы на нее снисходительно так поглядывает, но есть ли у них что или нет...

– Понятно. До конца держат интригу. А Настя без обид?

– Да зачем ей Слон? У нее свой парень есть. Еще со школы ухаживал.

– Вот как? У Насти парень есть?

– Да, Олежка. Он с нами в одном классе учился. Он, по-моему, и в институт этот девичий поступил, чтобы только с Настей вместе быть.

– А где он? Его здесь нет?

– Он в другой группе учится. В третьей. В перерывах к нам приходил. Только, кажется, они с Настей поссорились зимой.

– Кажется? Ты же самая близкая подруга.

Вика сморщила носик.

– Ой, вы себе не представляете, до чего же Настя скрытная. Я, например, в школе только через год узнала, что Олежка за ней ухлестывает. Сама случайно узнала. Меня это так бесит иногда. Я с Настей иногда ссорилась из-за этого. Ну нельзя же так: я ей – все, а она, как партизан, молчит.

– Тут ты права, – сочувственно поддакнула Саша.

– Ну вот! И я так думаю. Я, знаете, как на нее обижаюсь иногда. Потом вроде отойду и снова с ней как ни в чем не бывало. И про ссору с Олежкой тоже мне не хотела рассказывать. Он стал реже к нам заходить. Я спрашиваю: «А что у вас с Олежкой? Чего он не заходит?» Она только головой качает: не спрашивай, мол. А раз, я помню, мы после института к ней домой поехали. Во двор входим, а тут какая-то тень из-за угла. Настю за руку – хват! Она даже вскрикнула. А это Олежка. Весь грустный такой, замерзший. «Ты почему на звонки и эсэмэс не отвечаешь?» – спрашивает. А у самого голос дрожит. Я в сторону отошла, чтобы не подслушивать. Только судя по всему, Настька его отшила. Он так, бедный, и остался один

стоять во дворе. «Ты чего?» – спрашиваю. – «Да надоел, – отвечает. – Ну его». Жалко, конечно, Олежку.

– А в больницу он с вами ездил?

– С нами нет. Но он мог и потом съездить. Он собирался. Я как узнала, что Настя в коме, так сразу же ему написала. Он, наверное, один Настю навещал.

– Понятно. Телефон его дашь? И свой на всякий случай. А также Вики и других ребят, которые к Насте ездили.

– Да, конечно, секундочку.

Вика быстро продиктовала Саше телефоны.

Студенты тем временем слезли со скамейки и направились к институту.

– Вик, ты идешь? А то уже пара скоро начнется, – позвала ее рыженькая Рита.

– Сейчас иду. Извините, мне пора.

– Спасибо тебе большое. Слушай, еще только один последний вопрос.

– Спрашивайте.

– А ты Настю когда видела в последний раз?

– Да я же вам рассказывала раньше. Когда мы с ней в кафе хотели пойти. В апреле это было.

– А потом ты Настю не навещала?

– Нет.

– Точно?

Вика, казалось, на секундочку смутилась, но все же отрицательно покачала головой.

– Ну ладно, спасибо тебе. Ты мне очень помогла.

– Да не за что.

Вика забрала сумку со скамейки и побежала догонять друзей.

Глава 15. Олег

Саша минуту подумала и решила, что теперь неплохо было бы найти этого Олега. Одногруппники Насти пошли на занятия, да и телефоны их у Саши теперь есть. Можно и отложить разговор. А вот парень Насти...

Саша пошла искать юношу. Перекинувшись парой слов со студентами из третьей группы, она узнала, что Олег уже второй день не ходит в институт.

Саша зашла в учебную часть и безапелляционным тоном попросила адрес Олега, а заодно и информацию о других одногруппниках Насти. Чопорная дама, заведующая первым курсом, не стала допытываться о причине Сашиных вопросов и выписала все сведения на листочек.

Помахивая листком бумаги, Саша вышла из института и, сощурившись от яркого солнечного света, остановилась на крыльце, думая, что делать дальше. Зазвонил телефон. Отойдя в сторону, чтобы не сбили с ног полные жизненной энергии студенты, Саша ответила.

– Да, Глеб?

– Ну?

– Что «ну»?

– Успешно?

– Можно поконкретней?

– Я просто интересуюсь: вылазка удачная? Узнала важное что-нибудь?

– А ты?

– Саш, у нас что, баш на баш будет?

– Ну ладно, ладно. Докладываю: выяснила, кто был в больнице, наметила круг подозреваемых, поговорила с подружкой Насти Викой, узнала разные женские сплетни.

– Никто не признался?

– Угу, уже в полиции добровольную явку оформляет.

– Короче, ничего серьезного. Одна трата времени.

– Ну разумеется. А у тебя информация – огонь?

– А то. Пересечемся – поделюсь.

– А я вот как раз стояла и думала: к Настиному парню одной ехать или тебя прихватить?

– Стоп-стоп-стоп. Попрошу поподробнее. Что это еще за парень?

– Глеб, давай без отелловских страстей. Настя уже давно совершеннолетняя.

– Это вопрос спорный. Кому, может, и совершеннолетняя, а я ее еще ребенком помню.

Такая вот маленькая, хорошенькая куколка в желтых трусиках.

– Ужас! Ты только Насте никогда об этом не рассказывай. Оставь свои ностальгические воспоминания при себе. Сдерживай себя, пожалуйста, по мере сил.

– Тьфу на тебя! Так извратить святое.

– Что-то мне подсказывает, что к Настиному протеже брать тебя с собой чревато.

– Побью, думаешь? Хм. Не исключено. Но тут есть и обратная сторона медали: не возьмешь – останешься без важной информации.

– Так не честно. Я тебе все рассказала.

– Ладно. Обещаю быть пайнкой. Бить только с твоего согласия. Тогда возьмешь?

– Ну-у-у...

– Александра, не буди во мне зверя.

– Что, уже произошло превращение в волколака? Окончательное осознание своей истинной экзистенции на почве литературных опусов?

– Та-а-ак. Ты лазила в мой планшет.

– А что еще мне было в потемках делать? Спать нельзя. Вокруг ночь, Настя молчит, ты храпишь. Развлечений – ноль. Планшет включен. И святой бы соблазнился. Но ты не переживай. Я высоко оценила твой литературный вкус.

– Ладно, ладно, издевайся. Только сколько веревочке не виться...

– Ты меня на ней повесишь? Ладно, шутки в сторону. Если ты обещаешь быть корректным и профессиональным, то поедem вместе.

– Может, еще скажешь галантным и нежным?

– А что, я бы не отказалась. А также загадочным и сексуальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.